

Михаил БАРУ

ОБЛОМОК НАДГРОБНОГО КАМНЯ

Шацк

«“Далече ли до крепости?” – спросил я у своего ямщика. “Недалече, – отвечал он. – Вон уж видна”. Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные бастионы, башни и вал; но ничего не видал, кроме дереушки, окруженной бревенчатым забором. С одной стороны стояли три или четыре скирда сена, полузанесенные снегом; с другой – скривившаяся мельница, с лубочными крыльями, лениво опущенными. “Где же крепость?” – спросил я с удивлением. “Да вот она”, – отвечал ямщик, указывая на дереушку, и с этим словом мы в нее въехали. У ворот увидел я старую чугунную пушку; улицы были тесны и кривы; избы низки и большею частию покрыты соломою».

– Какое же это имеет отношение к Шацку? – спросит читатель. Самое непосредственное. Шацкие краеведы не просто утверждают, а зуб дают, да не один, что наше все описало под видом Белогорской крепости Шацк. ~~Непробовали бы они такое сказать в Оренбургской области.~~ Проезжало оно через город по пути в Оренбург и останавливалось на несколько часов в гостиных номерах купца Храмцова. Долго ли описать маленькую крепость? Особенно умеючи. Особенно Пушкину. Мало того, он еще и известную в Шацком уезде фамилию Швабриных прихватил с собой для того, чтобы отдать ее одному из героев повести. Не самых, надо сказать, симпатичных. Правду говоря, Швабрин Пушкина и Швабрины Шацкого уезда это две большие разницы¹, да и сам Шацк от Белогорской крепости...

Впрочем, если все по порядку, то начинать надо еще с тех времен, когда никакого Шацка не было, а на том месте, где он сейчас стоит, шумели дремучие дубовые и сосновые леса. Леса шумели по берегам маленькой речки Шача, которая впадала в Цну, которая впадала в Мокшу, которая впадала в Оку, которая впадала в Волгу, а уж Волга... Рыбы в этих реках было столько, что у проживавших в тех местах племен мордвы и мещеры в языках не существовало глагола «не клюет». Если честно, то Шача – речка маленькая и даже очень. Сейчас в ней, кроме пескарей, и поймать толком ничего не получится, но в девятом веке, когда в тех краях начали появляться славяне, пескари в Шаче ловились пудовые. Конечно, в летописях этого не прочтешь, но в преданиях... Ну, а к рыбе была дичь, а к дичи дикий мед и такой же дикий воск, а к меду ягоды, а к ягодам грибы, которые тогда можно было косить косой, если бы у тогдашних охотников и собирателей имелись косы. Еще и земля плодородная. В этих местах только жить-поживать да добра наживать. Ну, а как только оно нажито – сразу же появляются охотники до чужого добра. В середине десятого века приходили сюда за данью дружины киевского князя Святослава, а с одиннадцатого века начались регулярные набеги половцев. Боролись с ними, боролись... до тех пор, пока в тринадцатом веке не пришли монголы с татарами во главе с Батыем и не обложили данью всех, включая медведей и белок. Несчастные медведи с белками отродясь не видали такого количества меда и орехов, которые им было велено сдавать ханским баскакам, и если бы не помощь местных жителей...

И после Куликовской битвы покоя этим местам не было – то Тохтамыш придет, то ордынские князьки помельче, то рязанские князья начнут выяснять с московскими кто в доме хозяин... И все грабят, деревни жгут, посева конницей топчут, а татары с ногайцами еще и девок с ребятами в полон уводят и в Крыму продают.

В конце концов Золотая Орда развалилась, а рязанские князья вместе с мордовскими пошли под руку московских. Казалось бы... но, нет. Это по берегам Шачи и

Цны росли густые леса, полные дичи, ягод, грибов, дикого меда, пушнины и красивых славянских девушек, а юго-восточнее начинались бескрайние степи, тянувшиеся до низовьев Волги, Дона и Крыма. И жили в этих степях кочевники, у которых из пушнины были только степные суслики с тушканчиками, а из грибов только плесневые, которых они, в отсутствие микроскопов, даже и разглядеть толком не могли. Лошади, овцы и верблюды, которых разводили ногайцы, меда не давали, как их не дои, а уж что касается красивых славянских девушек... Оставалось им только одно – набеги. Они и набегали с завидной регулярностью. В среднем в первой половине шестнадцатого века на один мирный год приходилось два года войны. С другой стороны, все больше русских, раньше живших к северу от Оки, стали переселяться на берега ее южных притоков. Разные это были люди – и беглые крестьяне, и солдаты, которым надоело служить, и те, по кому плакала тюрьма, и те, кому просто хотелось вольной жизни. Были и те, кого сюда посылало государство. Еще при дедушке Ивана Грозного, Иване Третьем, всем, кто изъявлял желание поселиться на этом фактически пограничном рубеже, давали бесплатно землю и налоговые льготы, а тех, кто не изъявлял желание, посылали в приграничные области в приказном порядке на вечное поселение вместе с женами и детьми. Особенно это касалось военных. Надо сказать, что не все военные даже и по приказу хотели ехать в те места. Этим велено было бить батогами и сажать в тюрьмы. Переселяли и помещиков вместе с крестьянами.

Конечно, плодородная земля, обилие грибов, ягод, рыбы в реках и дикого меда с диким воском в дуплах деревьев в какой-то мере переселенцам пилюлю подслащивали, но... собирать эти грибы, мед, ловить рыбу и пахать землю приходилось буквально в шлемах, кольчугах и с пищалями за спиной. Все это было страшно неудобно – и железные шлемы, от которых то и дело случались тепловые удары, и тяжеленные кольчуги, под которыми невозможно было ничего почесать невооруженным до зубов пальцем, и пищаля, которые могли запищать в самый неподходящий момент. Стали строить оборонительный рубеж, чтобы его обороной занимались специально обученные люди, называвшиеся стрельцами, пушкарями и казаками, а крестьяне, сняв с себя доспехи, могли бы пахать и сеять всласть хоть круглые сутки. Оборонительный рубеж представлял собой лесную засеку глубиной не менее нескольких километров. Случалось и до трех десятков. Внутри засеки были и поваленные деревья, и заостренные колья в местах проходов, и лежащие в местах речных бродов на дне бревна, утыканные дубовыми гвоздями, а то и железными спицами. Тут не только конному, но и пешему пройти, а вернее, продрагаться сквозь засеку было практически невозможно. Тянулась эта Большая засечная черта, или полоса отчуждения, внутри которой нельзя было прокладывать не только дорог, но даже и тропинок, по южному рубежу Московского государства на расстояние больше тысячи километров – от Козельска и почти до Нижнего. В черте были проделаны проходы, охранявшиеся небольшими сторожевыми крепостями.

На этом месте предыстория Шацка кончается и начинается история. В 1553 году в начале мая на участке Шацкой засеки, тянувшейся на сто верст, в месте, которое называлось Шацкие ворота, по указу царя был построен город. Не просто так построен, а после опустошительного набега ногайцев на Старую Рязань в 1551 году. Дети боярские, которым было приказано поставить город, сами выбирали подходящее для него место. Только одно условие было поставлено царем – не ближе четырех сотен верст от Москвы. То есть на передовой. Место для города, согласно Никоновской летописи, выбирали воеводы князь Дмитрий Семенович Шастунов и Степан Григорьев сын Сидоров, которым приглянулся высокий холм на левом берегу Шачи. Сам город строил дьяк и воевода Борис Иванович Сукин. Построили город быстро – буквально за несколько месяцев, и тут же передали его под начало назначенному на год воеводе князю Ивану Федоровичу Мезецкому.

Конечно, городом Шацк назвать было трудно – это была маленькая крепость или город-острог, окруженный насыпным валом, на котором стоял двойной дубовый частокол.

В промежутки между этими дубовыми стенами засыпали камни и землю. Срубили внутри крепости несколько изб и поставили церковь, освященную во имя Воскресения Христова. Еще вырыли ров, соединив его с Шачей, и в случае опасности пускали в него воду. Вот, собственно, и все. Если исключить ров и добавить «скривившуюся мельницу», то как раз будет похоже на Белогорскую крепость.

Тут нужно сказать несколько слов о том, почему город называли Шацком. Понятное дело, потому что река Шача, которая, кстати, в те времена называлась Шатей. Между прочим, и город называли Шатском, и так он звался долго, и даже не одно столетие, пока не переименовали его в Шацк. Река называлась Шатей вовсе не потому, что по ее берегам в древности жили шатии, а потому, что мордовское слово «шачимс» означает «хорошо уродиться». Маленькая Шатя или Шача, конечно, уродилась, но не так хорошо, как Цна, в которую она впадает, а уж про Мокшу и Оку и говорить нечего. Есть еще одно мордовское слово «шаня», означающее благоприятное место, есть татарское слово «шат», означающее рукав реки, есть еще одно татарское слово, есть русский глагол «шататься», есть еще глагол «шацкать», то есть погонять лошадей, есть, наконец, татарское слово «шача», означающее чистую воду. Так или иначе, откуда-то название реки и вслед за ней города произошло. Если все версии смешать, то получится, что хорошо уродилось в хорошем месте с чистой водой и лошадьми, которых постоянно погоняют. В смысле, шацкают.

Теперь на том месте, где был построен острог, стоит на облупившемся пьедестале гранитный валун с памятной табличкой и автовокзал. Точнее, автовокзал устроен в бывшем городском соборе, построенном еще при Елизавете Петровне и закрытом в тридцатых годах прошлого века. От собора, то есть от автовокзала, вниз к реке ведет улица, вымощенная еще в позапрошлом веке булыжником. При Советской власти булыжную мостовую закатали в асфальт, но асфальт мостовая отторгла, он облез, и от него осталось лишь несколько заплаток, а булыжник проступил, как деревня, которую нельзя вывести из девушки. Впрочем, до асфальта еще очень далеко. Вернемся в шестнадцатый век.

И года не прошло с постройки крепости, как под ее стены явились татары проверять, крепки ли стены, глубок ли ров и метко ли стреляют стрельцы с пушкарями. Оказалось, что и ров глубок, и стены крепки, и стреляют так метко, что лучше убираться из-под стен Шацка, пока цел. Правда, после этого успешного отражения татар гарнизон крепости был усилен. Когда через семнадцать лет крымский хан Девлет Гирей шел на Москву, сторожевые разъезды Шацкой засечной полосы его войско обнаружили и уже готовились дать бой, но хан обошел Шацк стороной. В конце шестнадцатого века к Шацку подошли азовские турки и ногайцы, но гарнизон под командой воеводы князя Кольцова-Мосальского их отбил. В общей сложности в шестнадцатом и семнадцатом веке приходили в те места татары и ногайцы больше четырех десятков раз. Шацк не был взят с бою ни разу. Шацкие воеводы и оборону умели держать, и другим таким же городкам Засечной черты помогали в случае нужды. И не только городкам. Пятьдесят шатчан участвовало в знаменитой битве при Молодах, когда воеводы Воротынский и Хворостинин разбили наголову войско Девлет Гирея. Дмитрий Хворостинин, о котором английский посол Джайлс Флетчер писал, что он «главный у русских муж, наиболее употребляемый в военное время», начинал свою военную карьеру не кем-нибудь, а... воеводой в Шацке. Кстати, об английских послахах. Вернее, о послахах в Англию. Другой шацкий воевода Алексей Иванович Зюзин при царе Михаиле Федоровиче возглавил посольство к английскому королю Иакову Первому и после переговоров подарил от себя королю, королеве и принцу сорок соболей и одну чернобурую лисицу. Каждому. Вы только представьте себе, что главу администрации Шацкого района посылают во главе посольства в Англию... То-то и оно. Послать-то его еще можно, но где он возьмет столько соболей для подарков? Пусть не по сорок каждому, но хотя бы по пять Елизавете, ее мужу, принцу Чарльзу, принцессе Анне, герцогу Йоркскому... Даже и по два не выйдет.

Третий шацкий воевода князь Александр Засекин по поручению Бориса Годунова возглавлял посольство в Персию и настойчиво добивался, чтобы в договоре о дружбе было записано о том, что персидские купцы не будут заниматься продажей русских пленных, которых им поставляли крымчаки и ногайцы после набегов. Четвертый шацкий воевода князь Георгий Иванович Токмаков кроме того, что был военачальником, перевел с немецкого языка на русский чрезвычайно популярную в средние века народную энциклопедию – разговор между учеником и учителем о разных предметах и явлениях природы. Именно в этом переводе впервые в русском языке было употреблено слово комета. Где Шацк, а где комета... Пятый шацкий воевода Роман Федорович Боборыкин в 1636 году заложил город Тамбов. Между прочим, срубили тамбовский острог шацкие плотники, коих набрали по одному от пяти дворов, и заселили новорожденный город они же вместе с казаками из Шацкого села Конобеево. Шестой шацкий воевода князь Михаил Петрович Волконский не запомнился ничем, кроме того, что прозвище у него было «Жмурка». Седьмой воевода – князь Иван Романович Безобразов и вовсе имел прозвище Осечка. Вот каково это – жить с прозвищем Осечка? Ведь у него же дети были. Небось, приходили к нему в перерывах между военными походами и спрашивали: «Папка, а за что тебя так...» А жена воеводы сидела в углу, за печкой, и украдкой вытирала слезы. Или не утирала, а запиховала себе в рот рукав от собольей душегрейки или кокошник, чтобы не умереть со смеху.

Ну, да Бог с ними, с воеводами. В 1672 году Шацкой засеке, участок которой тянулся почти на сто верст, была сделана опись: «Засака Шацкая, новая, с польской стороны от Кривой поляны до Казачья острогу и до Шацкого города под Ямскую слободу 6 верст, а от Ямские слободы с русские стороны до реки Пары 90 верст, а поперечнику от Шацкого города и против Пансковской прорехи на полверсты, а против деревни Пролому через Борщову поляну до Кривой поляны от черты до черты на версту, а от Кривой поляны на реку Пару до замка Липские засеки...». Где нынче все эти Пансковские прорехи, Борщовы и Кривые поляны – знают, наверное, только краеведы. Деревни Пролом теперь нет, но есть рядом с современным Шацком два села – Большой Пролом и Малый Пролом. Возле Малого Пролома, до которого ехать из Шацка на машине пять минут и еще двадцать идти пешком, на заросшем вереском поле сохранились земляные валы, рвы и площадки, на которых стояли пушки. Здесь был самый первый рубеж обороны. Теперь здесь нет никакого леса кроме редких в поле молодых самосевных березок и сосенок, но раньше по обеим сторонам этой лощины он стоял стеной. Местный краевед – учитель истории из Шацка показал мне, с какой стороны приходили крымчаки и ногайцы, куда стреляли пушки, откуда летели стрелы и дикие воинственные крики басурман и какой дорогой скакал стрелец или казак, чтобы поднять по тревоге Шацкий гарнизон, пока они тут отстреливаются. Если встать на то место на валу, где стояла пушка, и посмотреть в ту сторону, откуда приходили басурмане, летели их стрелы и доносились их дикие воинственные крики... Не то чтобы хочется поскорее добежать до машины и рвануть в Шацк за подмогой, но ноги сами...

В сентябре шестьсот семидесятого года к Шацку подступил отряд разинцев, пришедших из Симбирска. Воевода Астафьев струхнул и написал царю о том, что в Шацке служивых людей мало, стрельцов восемьдесят человек, пушкарей, затинщиков и рассыльщиков всего два с половиной десятка, и на них, в случае чего, надежды мало. «А уездные люди в осаду не идут, а хотя бы в осаду пришли, на них не надежда, что шатание в них большое. А под городом твоя государева дворцовая Черная Слобода, а в ней пятьсот дворов, они в осаду ни один человек не идут, ожидают всякого дурна»². К счастью, до осады Шацка дело не дошло – присланные войска под командой воеводы Якова Хитрово разбили разинцев еще у села Конобеева.

К концу семнадцатого века Шацк был довольно сильной крепостью, состоящей из двух острогов, с четырьмя проезжими башнями, десятью глухими и двумя подземными ходами, выходившими в овраги. Можно было сделать вылазку и ударить в тыл

противнику так... Вот только противника к началу восемнадцатого века не стало. То есть он еще был, но за пределы Крыма носа почти не высывал, а то и вовсе сидел тихо и печально в него сморкался. После взятия Азова граница отодвинулась на юг, и военное значение Шацка стало мало-помалу сходить на нет. Конечно, пушкари, стрельцы и городовые казаки никуда не делись, но им пришлось или записываться в полки нового строя, или копать в своих огородах, сеять хлеб, становиться кузнецами, плотниками и даже прислушиваться к советам жен.

Ну, а как стала жизнь мирной, то к ней и потянулись мирные люди, которые до сей поры жили севернее, за Окой. Да и как не потянуться, если земля плодородная, леса, если их оценивать по шкале дремучести, были еще вполне, дичи в них тоже не убавилось, дикого меда тоже. Часть мирных людей, любивших дремучие леса больше открытых пространств, и лесную свободу больше... Короче говоря, часть мирных людей стала разбойниками. Сбивались они в шайки, рыли в лесу землянки и даже устраивали целые земляные городки. Бежали они в эти места от рекрутского набора, от своих помещиков и от непосильных налогов. Кстати, о налогах. При Петре Алексеевиче, которому постоянно не хватало денег на корабли, на пушки и на строительство новой столицы, податями крестьян не только обложили, но и почти задушили. Брали деньгами подушные и промышленные налоги. Брали деньги на выкуп пленных. В армию забирали не только солдат, но и подростков – солдатских детей. Брали плотников, ямщиков, каменщиков и кузнецов на строительство Петербурга. Брали их с семьями на вечное поселение. В семьсот третьем году брали работных людей по одному человеку с шестнадцати дворов. Брали подводы с проводниками, брали с каждого двора крупу, овес и сухари. Хорошо еще, что в новорожденном Петербурге не было большого количества мышей и крыс, а то повелел бы царь с каждым пяти или десяти дворов брать по кошке или коту на вечное поселение.

Понятное дело, что платить такие подати не хотели. Понятное дело, что убегали в лес, в Дикое поле, на Украину и на Дон к тамошним казакам. Убегали целыми деревнями. Понятное дело, что правительство присылало карательные воинские команды для взимания недоимок, для битья батогами злостных неплательщиков и для отправки их в каторжные работы. Впрочем, некоторых неплательщиков еще надо было изловить. Некоторые неплательщики были вооружены до зубов и передвигались по лесам в составе, как сейчас бы сказали, вооруженных бандформирований. Некоторые неплательщики и сами могли напасть на воинские команды и оружие у них отобрать. Что они, надо признать, регулярно и делали.

Растущее население между тем собирало смолу, гнало деготь и делало поташ – другими словами, сводило лес, в котором росли вековые дубы и корабельные сосны. Корабельный лес царь Петр ценил больше своих подданных, поскольку он куда медленнее воспроизводился, а потому учредил в Шацке провинциальную Валдмейстерскую канцелярию. Провинциальную потому, что Шацк в семьсот девятнадцатом году по царскому указу стал центром Шацкой провинции в составе Азовской губернии³. В ведении канцелярии было четыре засеки, которыми заведовали три валдмейстера. Власти прекратили не только все незаконные порубки леса, но и содержали в полном порядке все засеки, острожки и заставы. Не столько от нападений татар с ногайцами, сколько в карантинных целях. Во время эпидемий чумы и холеры ворота в засеках закрывались.

В связи с тем, что Шацк стал административным центром, количество чиновников в нем увеличилось. Завелись в воеводской канцелярии секретарь, копиисты числом три, канцеляристы, казначеи, которых теперь нужно было называть камерирами, писцы, ассессоры, то есть судейские, комиссары для уездных судебных дел, при них четыре копииста, провиантмейстеры, рентмейстеры, то есть казначеи рангом помельче, подчинявшиеся камерирам, еще писцы, надсмотрщики в крепостной конторе, еще канцеляристы, еще два сторожа и один фискал. Куда же без него. И это не все. Еще три с половиной десятка офицеров и унтер-офицеров при канцелярии служили для караула и

рассылок. И пошла контора писать... дело о сыске и высылке в Москву в Соляную контору соляных голов Шацкой провинции, которые к отчету не бывали и которые, подав книги и не дав отчету, самовольно уехали из Москвы, дело о сказках бортников о количестве у них ульев, дело об отписках в Шацкую канцелярию из разных уездов и станов Шацкой провинции о получении императорского указа об учреждении при Сенате должности генерала-рекетмейстера⁴, дело о измерении в государево орленое ведро и заклеивании винокурных кубов, имеющихся в Шацком уезде у всякого чина людей для собственного пользования и на продажу, и о взятии с них поведерной пошрины в Шацкой камерирской конторе, дело о невзыскании с опустелых дворов деревни Алферовой казенных податей...

Со всем тем царь о Шацкой провинции заботился. К примеру, увидел он в Риге, что хлеб убирают не так, как у нас, и тотчас же написал шацкому воеводе Федору Ляпунову: «Понеже в здешних краях, как в Курляндии, так и в Пруссии у мужиков обыкновение такое, что хлеб снимают вместо серпов косами с граблями, что перед нашими серпами гораздо спорее и выгоднее, так что средний работник за десять человек сработает, из чего видеть возможно, какое великое подспорье будет в работе, для чего хлеба умножать будут». Петр знал, что просто предлагать и даже приказывать не имеет никакого смысла, а потому заранее выписал из Курляндии десяток немецких мужиков с косами и граблями и уже отослал их в направлении Шацка, чтобы они по прибытии «наших мужиков обучили хлеб снимать такими косами с граблями: и понеже, хотя что добро и надобно, а новое, то наши люди без принуждения не делают, того ради распоряди сам и пошли верных людей, чтоб конечно сегодняшним летом выучить. Сколько выучишь и сколько кос и грабель сделано у мужиков буде и сколько сим образом скосят, где и чьи мужики, о том отрапортуй сентября в последних или октября в первых числах, ибо взыщется на вас...». Представляю, как обрадовался шацкий воевода, читая царское письмо. Представляю, как обрадовались крестьяне, которым вместо привычных серпов немецкие учителя вручили косы с граблями и научили работать за десятерых каждого, представляю, какими словами наши мужики... В Шацком краеведческом музее⁵ мне показали деревянную насадку из четырех тонких палочек, которая представляет собой грабли, которые насаживали на косу, которой косили... или откосили... или отрапортовали, как приказал царь... или накормили, напоили немецких мужиков, потом еще напоили и в таком виде спровадили домой, в Курляндию, а сами взяли серпы... и отдали их бабам. Интересно, о чем Федор Ляпунов писал царю? О том, что нынешний год такие дожди, что рожь полегла и ее только серпом и жать, что грабли, если их соединить с косой и наступить сразу на все вместе, могут убить до смерти, что наших мужиков учить – только портить, что ученые мужики нам без надобности, что неудобья наши таковы, что кроме серпа... Самое удивительное, что устройство это в Шацком уезде прижилось. Еще и теперь в некоторых деревнях косят траву именно такими косами с прикрепленными к ним граблями.

Сельхозтехникой дело, однако, не ограничилось. Шацкому начальству пришлось выполнять петровский указ об обязательном обучении «дворянских, духовных, подьячих и всякого чина людей детей». Вот где нашла коса на грабли. Всякого чина людей дети упорно не желали учиться и вообще идти на службу. В семьсот пятнадцатом году шацкий ландрат Мякинин получил из Петербурга письмо, в котором говорилось о том, что «Для изучения латинской науки в Санкт-Петербург было по реестру записано триста два человека, а не явилось сто два. Призревших Указ Его Величества и не явившихся до двадцатого октября будет ждать жестокое наказание». Царь, конечно представлял себе, что там, в далекой и глухой Шацкой провинции, в поместьях, в барских домах, в углах за теплыми печками угрозы жестоко наказать кажутся... а потому послал в Шацк майора Ушакова для поимки дворянских недорослей и отсылки в новую столицу. Пойманных определяли в солдаты в Семеновский полк и уж там обучали грамоте так, что буквы от зубов отскакивали. Не говоря о других частях тела.

С дворянскими, духовными и подьячими детьми все было сложно. То ли дело простые мужики и бабы. В семьсот восьмом году по указу Петра шацких виноватых баб и

девок просто выслали в Москву для работы на полотняных и прядильных фабриках. В этом же году с каждого десятого двора забрали по одному невинному человеку в Санкт-Петербург на пополнение умерших, больных и беглых.

В самой Шацкой провинции тоже были полотняные и прядильные мануфактуры, на которых производили льняные и пеньковые полотна. Поскольку в тех местах конопля росла очень хорошо, то плели пеньковые канаты для нужд флота и веревки с веревочками для нужд населения. Еще было два железоделательных завода. Вот, собственно, и вся шацкая промышленность петровского времени.

После смерти Петра Шацк вместе со своей провинцией был включен в состав Воронежской губернии. Вернее, Азовскую переименовали в Воронежскую. И в этой губернии Шацк пробыл до семьдесят девятого года. При Екатерине Алексеевне, в семьдесят втором году Шацк перестал быть провинциальным центром, стал уездным городом и через девять лет получил герб в виде «двух скрещенных снопов ржи в серебряном поле, в знак великого изобилия оным». Ну, а в верхней части герба у Шацка был золотой улей с тремя пчелами, потому что к моменту пожалования государыней герба он уже был в составе Тамбовского наместничества. Интересно, что сказал бы на это шацкий воевода Боборыкин и его плотники с казаками, полтора века назад основавшие Тамбов...

Впрочем, до герба еще далеко. В семьсот тридцать восьмом году, на третьем году войны с турками, пошел слух, что кубанские татары собираются в поход на южнорусские города. Шацкий воевода майор Любовников писал в Воронежскую губернскую канцелярию о том, что город к обороне не готов. Оно и понятно – в последний раз Шацк принимал участие в боевых действиях лет сто назад, и крепостные стены, башни, валы, ров, колодцы, пушки давно пришли в негодность. Восемь месяцев с апреля по ноябрь тысяча человек, из которых половина была с лошадьми и подводами, копали рвы, восстанавливали старые стены, строили караульные башни, мост через Шачу и сколачивали лестницы для приставления к городовым стенам. Одного полосового железа и гвоздей израсходовали четыре сотни пудов. Из Тамбова приехал в Шацк контролер – штык-юнкер Сталов. Он осмотрел весь арсенал Шацкой крепости и написал в Тамбов донесение, что «оное оружие ни к какому действию не готово»⁶. Срочно организовали пушкарскую команду, и тут турки... согласились пойти на мировую. В результате в следующем году воевода Любовников вместо командования обороной города от турок отстоял вместе с шатчанами благодарственный молебен в городском Воскресенском соборе, после которого был салют из девяти пушек. Три пуда пороха на него истратили. Не прошло и полгода, как снова палили из пушек в честь новорожденного Ивана Антоновича. Пороха в крепости в те поры было сорок с лишним пудов, с турками замирились – можно и палить в свое удовольствие.

После этого салюта три с половиной десятка лет Шацк жил обычной жизнью российского уездного провинциального городка, пусть и центра Шацкой провинции, – то церковь построят Соборно-Воскресенскую каменную взамен сгоревшей деревянной, то вместо ветхих соляных амбаров и избы для хранения денежной казны соляных сборщиков построят новые амбары и новую избу, то снова построят церковь, но уже Христорожественскую, и пригласят из Тамбова художника расписывать иконостас и царские врата. С ремеслами и рукоделиями в Шацке было не очень. Конечно, как и везде, плели лапти и делали глиняные горшки, но в основном торговали рожью, овсом, конопляным семенем, пенькой, говяжьим салом, медом, воском, кожами. Леса в Шацкой провинции были еще дремучие, и промыслового зверя в них было еще много. Лисиц, зайцев и белок били в огромных количествах. К примеру, в семьсот тридцать пятом году в городе Керенске, входившем тогда в состав Шацкой провинции, было продано семь тысяч заячьих шкур. Шкурки белого цвета стоили меньше трех рублей за сотню, а серого – пятерку. Пуд сушеных белых грибов в те тучные года стоил шестьдесят копеек. Чай, сахар, кофе, разные английские и немецкие сукна привозили для местного дворянства.

Привозить сукна, конечно, привозили, но так, чтобы в Шацке из купленного сукна или парчи сшить мундир, фрак или платье... В семьдесят третьем году поручику Мотякину было поручено заготовить для шацких городских стрельцов мундиры и кафтаны. Материю, пуговицы и галуны купили, а портного в городе сыскать не могли. Не было ни в городе, ни в провинции портного. Ни одного. Хоть в Тамбов за ним поезжай. Зато был лекарь. Вот он как раз был один на весь Шацк и на всю провинцию. Как подумаешь – чем он лечил, когда был трезв или с похмелья... Кстати, о трезвости. За два года до случая с мундирами, кафтанами и портным в Шацке было продано за год девятнадцать тысяч ведер вина. Это на пять тысяч горожан. По сорок семь литров на каждого шатчанина, включая стариков и младенцев. Вряд ли это было французское шампанское. Так что лекаря можно понять. В семьдесят втором году Шацк перестал быть центром провинции и превратился в уездный город Тамбовского наместничества. Через год на средства московского купца Милованова построили Троицкую церковь. Еще через год, в августе семьдесят четвертого, к Шацку подошли отряды Пугачева. В городе учредили круглосуточные караулы. Шацкий прокурор писал своему губернскому начальству: «Все пришли в робость и великое смущение, ибо к тому бунту многие окрестные жители склоняются»⁷. Чтобы местные жители не склонились совсем, власти прислали графа Панина, который вместе со вверенными ему войсками навел порядок в окрестностях Шацка уже к концу октября. На самом деле порядок навести было не так-то просто. Многочисленные шайки грабителей, в которые сбились рассеянные войсками пугачевцы и те, для кого беспорядки были только поводом выйти из тумана и достать ножик из кармана, еще долго держали в страхе обывателей в Шацке и уезде.

Ну, вот теперь дошла очередь и до герба. После его утверждения построили еще три церкви в окрестных селах и закончили строительство дороги из Шацка в Ардатов. Дорогу обсадили деревьями, окопали канавами и устроили на ней почтовые станции. В семьсот восемьдесят седьмом году... не построили церковь, а по предписанию Тамбовского наместника, которым был тогда Гавриил Романович Державин, открыли народное училище. Обучаться там могли дети дворян, купцов и духовенства. Городничему Сабурову было велено «на первый случай указом набрать детей хотя бы до двадцати четырех». Купец Милованов отписал для училища дом, из Тамбовского приказа общественного призрения прислали учителя, а городничий назначил сторожем солдата из гарнизонной команды. Через три года, как только Державина из Тамбова отозвали, училище закрылось по причине отсутствия в нем учеников. Шацкие обыватели писали в Тамбов правителю Тамбовского наместничества генерал-поручику Звереву: «Купецких и мещанских детей в школах не состоит, да и впредь к изучению в училища отдавать детей не стоит, и мы не видим для себя от них пользы». Так и встает перед глазами шацкий купчина, утирающий полотенцем пот с багрового лица после шестого стакана чаю и говорящий своей Феодулии Ивановне: «Толкуют: просвещение, просвещение, а это просвещение – фук! Сказал бы и другое слово, да вот только что за столом неприлично». Пользы они для себя не видят... Вот и управляй ими гуманно, по-европейски, вот и рассказывай им о пользе просвещения, от которого происходит умягчение нравов, когда руки чешутся всех высечь и насильно... Нет, Петр Алексеевич, конечно, был жестокий тиран и указы писал кнутом, но в том, что касается...

Через шесть лет в селе Черная Слобода, что рядом с Шацком, построили церковь во имя Спаса Нерукотворного. Еще через два года в самом Шацке построили Казанскую церковь. Еще через четыре года, уже в царствование Павла Петровича, город посетил сенатор Лопухин и «нашел, во-первых, тот город выстроенным беспорядочно, а по большей части и тесно, во-вторых, повсеместно одни развалины...». Ну, сказал и сказал. И уехал в свою Москву. Через шесть лет после его отъезда в селе Польном Конобееве Шацкого уезда выстроили церковь в честь Воскресения Христова.

По сведениям Шацкой городской Думы в семьсот восемьдесят шестом году в городе было всего два семейства купцов второй гильдии, а первой не было вовсе.

Капитала у этих двух семейств было чуть более десяти тысяч рублей. Зато купеческих семей третьей гильдии было двадцать шесть и совокупного капитал у них было почти двадцать семь тысяч. Правду говоря, не бог весть какие деньги даже по тем временам. Всего в городе купцов и мещан было около полутысячи душ. Никаких заводов и фабрик в городе не имелось, потому как земля в городе принадлежала живущим здесь еще с основания города однодворцам, бывшим стрельцам, ямщикам, пушкарям и крестьянам, которые купцам под их мыльные, парусные и кожевенные заводы земли внаем не давали от слова совсем. Река была, но пристаней не было. Осетрину, севрюжину, белужину, стерлядей и икру привозили из Астрахани и Саратова на подводах свежую и соленую. Пригоняли в Шацк скот из донских и саратовских степей, забивали его, солили мясо и продавали. Ну, и конечно меха. В конце восемнадцатого века они еще были – лисьи, куньи, волчьи, заячьи и беличьи. Все, что не могли продать на ярмарках и торгах в Шацке и уезде, отвозилось на подводах в Москву, Коломну, Тулу, Серпухов, Калугу и даже в Вологду. Более всего, однако, в Шацком уезде производилось пеньки – каждый год до двухсот тысяч пудов в год. Ее продавали во многих губерниях центральной России. На шацкие торги по продаже пеньки приезжали купцы даже из Архангельска. Проданную пеньку грузили на суда и по Цне, а потом по Оке и дальше по Волге отправляли покупателям. Шацкая городская Дума писала в своем отчете Тамбовскому начальству: «если бы шатское купечество и мещанство сверх того, обращаемого в других товарах капитала и кредита в переворотах денег, имело бы какую способность, то б здешний продукт пеньки, кож и сала топленого могло доставлять прямо к Санкт-Петербургскому порту». Кабы имело какую способность... уж тогда бы беспрерывно... про пеньку и говорить нечего... но не имело.

В начале девятнадцатого века Шацк населяли полторы сотни купцов, без малого четыре сотни ямщиков, полтора десятка мещан, семь с половиной сотен помещичьих крестьян и почти полторы тысячи однодворцев – тех самых бывших стрельцов, пушкарей и городских казаков.

Война двенадцатого года настала... Помещик Шацкого уезда Николай Скуратов на военные нужды пожертвовал двадцать пять рублей, а князь Парфений Енгальчев – двадцать и от сельских жителей пожертвовано было тридцать шесть кулей муки на девятьсот рублей и полторы сотни лошадей, стоимых почти двенадцать тысяч рублей. Обстановка и в губернии и в уезде была нервная. Тамбовские губернские власти объявили, что за каждого живого или мертвого неприятеля станут платить по десять рублей. Тотчас же началась охота за французскими лазутчиками и мародерами. Нашли их или нет – неизвестно, но дневные и ночные караулы выставили во всех селах и деревнях, не говоря о самом Шацке. До Шацка боевые действия не докатились, но шатчане приняли в них участие. В военной галерее Зимнего дворца висит портрет кисти Доу уроженца Шацка Георгиевского кавалера генерал-майора Павла Ивановича Мерлина. У Павла Ивановича, кроме двух орденов Св. Георгия четвертой и третьей степеней, кроме ордена Св. Владимира третьей, ордена Св. Анны с алмазами и прусского ордена Красного орла, одних только золотых шпаг «За храбрость» было две. Кстати, о золотых шпагах «За храбрость». Петр Николаевич Шуринов, бывший шацким городничим в течении двух лет, был награжден такой шпагой за отличие в Бородинском сражении. Единственный в своем гренадерском полку. Вы только представьте себе, что глава администрации Шацкого муниципального образования служил в гренадерском полку и награжден золотой шпагой «За храбрость»... да хоть бы и не Шацкого. Главу администрации своего муниципального образования представьте. Какого угодно. То-то и оно... Между прочим, в Шацкой инвалидной команде служили два Георгиевских кавалера. Теперь таких инвалидных команд днем с огнем не сыскать. Теперь даже здоровые команды... Ну, да что об этом говорить. Вернемся лучше в Шацк.

Через девятнадцать лет после окончания войны через город по пути в Оренбург проехал Пушкин. Сколько Пушкин пробыл в Шацке, доподлинно неизвестно. Может

несколько часов, пока меняли лошадей, а может быть, он даже и переночевал в номерах Храмцова. Номера Храмцова до сих пор в Шацке стоят и еще долго стоять будут. Теперь это обычные жилые дома. Вот только нет там памятной таблички о том, что здесь, пусть и проездом, останавливался Пушкин.

Местные краеведы о визите Пушкина не рассказали мне ровным счетом ничего, кроме того, о чем я писал в самом начале рассказа о Шацке. Обычно у них в запасе всегда есть какая-нибудь история о том, что Пушкин, проезжая через их город, написал в книге жалоб и предложений станционного смотрителя десяток эпиграмм и нарисовал прелестную головку одной из местных барышень, случайно проходившей мимо ямской станции, или сочинил стихотворение, посвященное дочке станционного смотрителя, подававшей ему самовар и у которой спустя несколько лет родился мальчик, как две капли воды похожий на пушкинского камердинера, или проиграл в карты какую-нибудь главу из «Евгения Онегина», которыми он обычно расплачивался, когда кончались наличные, или... но нет. Пушкин так и уехал, не оставив в Шацке ни клочка исписанной бумаги, не приволокнувшись ни за одной из дам и девиц и даже не обронил случайно платка, курительной трубки или, на худой конец, плохо пришитой Натальей Николаевной пуговицы.

За четыре года до проезда Александра Сергеевича через Шацк в селе Ключи Шацкого уезда произошло событие, можно сказать, космического масштаба. У князя Павла Ивановича Гагарина родился внебрачный сын, который потом, как вырос, стал русским религиозным философом, футурологом и родоначальником русского космизма Николаем Федоровичем Федоровым, мечтавшим всех умерших воскресить, воссоединить с ныне живущими и всем вместе отправиться осваивать бескрайнюю космическую целину. Воскресить, конечно, не с помощью какого-нибудь волшебства, а с помощью науки, собрав все необходимые для этого молекулы, рассеянные в космическом пространстве специальным молекулярно-адсорбционным концентратором, над устройством которого Федоров работал долгие годы⁸. Сам Лев Толстой гордился знакомством с Федоровым. В музее Шацка тоже гордятся. В одном из залов висит большой портрет Николая Федоровича. Жаль только, что после всех советских административных преобразований село Ключи теперь находится в соседнем Сасовском районе, и в Сасовском краеведческом музее тоже есть портрет Федорова, и там тоже им гордятся, хотя, если разобраться, прав на это имеют...

Через четыре года после отъезда Пушкина в Шацке построили тюремную церковь во имя Киево-Печерской иконы Божьей матери. В этом же году, в июне, в Тамбов прибыл Великий князь Александр Николаевич. К Шацку это имело то отношение, что к приезду Его Императорского Высочества была устроена выставка произведений фабричной и домашней промышленности, в которой от Шацка и уезда был представлен ряд экспонатов. Правду говоря, промышленность, несмотря на все усилия, предпринятые когда-то Петром Великим, так и осталась по большей части домашней, и экспонаты представляли собой не столько выставку промышленных образцов, сколько собрание всякой всячины. Так, помещик села Большой Пролом князь Волконский представил изобретенную ими самим глиняную машину, картофельную муку, картофельную крупу, ископаемую окаменелую кость, ископаемую морскую улитку, ископаемый ноготь большого зверя и косу с граблями. Помещик Козловский из деревни Шача, тоже изобретатель, сконструировал машину для очищения конопляного масла для ламп и представил на выставку образец очищенного масла. Князь Кугушев⁹ ничего не изобрел, но представил образец красной глины, из которой можно было бы при желании делать курительные трубки-стамбулки. Еще один помещик – Дмитрий Львович Нарышкин, обер-егермейстер и один из самых крупных землевладельцев не только в Шацком уезде, но и в Тамбовской губернии, тоже представил образцы разных глин. Помещица Маскатинова отнеслась к выставке серьезно и дала на нее ящик сигарет ценой четыре рубля за сотню. Сигареты эти делали из своего собственного американского табака, выращиваемого непосредственно в имении

помещицы. Вот, собственно, и все произведения фабричной и домашней промышленности, которые имелись в Шацком уезде в середине девятнадцатого века. В Англии к этому времени луддиты уже успели переломать кучу станков и машин, уже их (луддитов) успели повесить, посадить в тюрьмы и отправить на вечное поселение в Австралию, а у нас... Кстати, о глине. Ее действительно было много на территории уезда, и она была отличного качества. Из нее делали не только посуду и глиняные игрушки, но даже и печные трубы. Такая труба, вернее, ее часть, даже есть в местном музее.

Судя по тому, что Шацк не стал ни центром изготовления глиняных курительных трубок, ни очищенного конопляного масла для ламп, ни сигарет, набитых американским табаком – выставка, как сказали бы сейчас, не стала стимулом для развития фабричной и домашней промышленности города. Впрочем, шатчане и не особенно расстраивались – где промышленность, тем более фабричная, а где – провинциальный, сонный и патриархальный Шацк. Взяли они и в сорок третьем году на средства шацких купцов Шолохова, Пятаковского и Шульгина выстроили городскую кладбищенскую церковь в честь Успения Божией Матери.

В восемьсот пятьдесят пятом году в город и уезд пришла холера и не уходила бесконечных девять лет. Во время эпидемии холеры богобоязненные жители Шацкого уезда построили три новых церкви в селах, но зато в шестьдесят третьем году в Шацке наконец-то открыли больницу на двадцать пять коек. Еще через семь лет построили земскую аптеку. Пока раздумывали насчет строительства аптеки, построили еще три церкви – храм Преображения Господня в селе Инная Слобода, церковь в селе Аксельмеево во имя Св. Николая Чудотворца и в селе Ялтунове во имя Св. Троицы.

Как раз в тот год, когда построили земскую аптеку и Троицкую церковь в селе Ялтунове, правительство вместе с известным предпринимателем и строителем российских железных дорог Павлом Григорьевичем фон Дервизом предложили Шацкой городской Думе провести через город Московско-Казанскую железную дорогу в направлении Самары. Дума предложение рассмотрела и решила от дороги отказаться. Дорога прошла через соседнее Сасово. Если бы можно было кусать локти, то жители Шацка, включая нынешних, откусили бы их своим депутатам по самые плечи за такое решение.

Между тем в Шацке появилась промышленность. В восемьдесят первом году в городе было уже шесть заводов. Ну, может, и не заводов, а заводиков или даже сараев, внутри которых постоянно что-то стучало, ухало, обдавало жаром, кипело и пенилось, мастера отрывали уши чумазым подмастерьям, у которых мгновенно отрастали новые, но... они были, эти заводы. Один салотопенный, один кожевенный, один пивоваренный, один спичечный и два свечных. Правду говоря, вся эта промышленность как была – так и осталась домашней, особенно если пересчитать производимые спички и свечи на душу шацкого населения. По-прежнему на первом втором и третьем местах была пенька. Впрочем, и на четвертом была тоже она. Еще несколько мест занимало чрезвычайно развитое в Шацке и уезде питомниководство. Некоторые питомники работали десятилетиями и торговали саженцами слив, вишен, яблонь, груш и ягодными кустарниками. В питомнике Алексея Егоровича Сергеева торговали не только саженцами плодовых деревьев, но и фикусами, пальмами, гиацинтами, примулами и домашними цветами и... снова пенька, рогожи, рожь, свечи, пиво, спички и топленое сало.

К началу двадцатого века Шацк подошел уже с типографией, публичной библиотекой и пожарным депо. В девятьсот первом году открылась вторая типография. На средства города содержались мужское и женское приходские училища, выдавались пособия на содержание библиотеки, народных чтений и трехклассного городского училища. Еще женская прогимназия, еще духовное училище и восемь церквей. Ни духового оркестра, ни театрального кружка, ни расквартированного в городе гусарского полка или артиллерийской бригады. Построили новый казенный винный склад. Построили на совесть – до сих пор стоит. Правда, теперь вина в нем не хранят. Вообще ничего не хранят – забросили. На Большой улице работало похоронное бюро Василия

Адриановича Петрина. Бюро имело «роскошную болдахин с траурной одеждой для лошадей и прислуг. Большой выбор металлических венков от 1 р. до 50 р., цветы-гирлянды, железные кресты, гробы обитые и простые всевозможной величины и стоимости, покрывала, подушки, туфли большие и детские всех цветов, флеры для подсвечников, траурные ленты для венков, чулки и проч.»¹⁰. Принимались заказы на замораживание покойников, копанье могил и выкладывание склепов.

Так и жили. И умирали точно так же. Никто не кричал «В Москву, в Москву!». Даже «В Тамбов, в Тамбов!» никто не кричал. Толку-то. Кричи, не кричи...

В девятьсот пятом году, когда вокруг все кипело и пенилось, в городе выстроили на частные пожертвования реальное двухгодичное училище для детей из малоимущих семей. Через два года беспорядки докатились и до Шацка – взбунтовались крестьяне в подгородных слободах – Казачьей и Черной и в нескольких деревнях. К счастью, в Шацке не было ни большевиков, ни меньшевиков. Правда, в женской гимназии работал учитель словесности, распространявший среди гимназисток книги по политической экономии. Дело дошло даже до организации кружка, в котором учащиеся обчитались революционной литературой до такой степени, что одна из гимназисток за участие в беспорядках получила год каторжной тюрьмы.

И еще. В девятьсот пятом году в Шацке родился Владимир Васильевич Меннер – выдающийся советский геолог, палеонтолог и основатель советской стратиграфической школы. Только разных трилобитов в его честь названо три, не говоря о фораминиферах, которых названо четыре¹¹.

К десятому году Шацк, если судить по книге Центрального статистического комитета «Города России в 1910 году», был тем же, что и в начале века. Все те же пять с лишним тысяч населения, из которых право голоса имело почти двести горожан. Около девятисот домов, из них всего двадцать семь каменных. Шесть десятков керосиновых фонарей. Пятнадцать верст улиц, из которых замощены были полторы сотни саженей, то есть всего триста с небольшим метров. Доход городского бюджета составлял двадцать пять тысяч, а городские долги – пятьдесят. В тринадцатом году в Шацке появилась первая телефонная линия. Внутри самого Шацка звонить не имело никакого смысла – проще было крикнуть, но в Касимов или в Тамбов лучше было, как тогда говорили, телефонировать.

В русско-японской войне Шацк и уезд приняли посильное участие. Собирали денежные пожертвования, одежду, продукты, холст и полотенца. Призванный в армию городской врач Николай Алеев работал в госпитале на Дальнем Востоке и был награжден медалью Красного Креста. Матрос Федор Черемисин геройски погиб во время несения службы на миноносце «Стерегущий». Крестьянин Федор Угольков принимал участие в обороне Мукдена. Вот, собственно, почти и все посильное участие. В первую мировую оно (участие) было уже непосильным. Почти половину трудоспособных мужчин призывного возраста призвали в армию. Лошадей мобилизовали столько, что крестьянские хозяйства остались без тягловой силы. В городе и уезде появились беженцы. Голода еще не было, но стали недоедать и болеть. Начались эпидемии. В Шацке дамский комитет местного отделения Красного Креста, в который входили жены земских руководителей и местные помещицы, устроил в августе четырнадцатого года благотворительную лотерею и призвал всех желающих приходить ежедневно с трех до пяти в здание реального училища и шить белье больным и раненым. Собирали деньги на содержание именной койки в лазарете, устроенном в селе Аладьино, и на обсеменение полей нуждающимся семьям призванных на войну с июля четырнадцатого года по март шестнадцатого. Насобирали без малого пятьсот рублей. Земские служащие решили отчислять от своего жалования процент на содержание раненых. Толку было от этих именных коек и благотворительных лотерей...

В июле четырнадцатого года в Киеве был сформирован Шацкий пехотный полк, занявший боевые позиции в районе Буга. Воевал полк до восемнадцатого года и в самом

его начале был расформирован. Уже в шестнадцатом году, еще до возвращения с фронта солдат, в уезде начались беспорядки. В начале марта семнадцатого в Шацке узнали о Февральской революции. Седьмого числа были арестованы и посажены в тюрьму городской голова Викторов и исправник Михин. Через два дня был образован уездный Совет. Большинство совета составляли эсеры, поскольку его организатором был эсер – помещик Стахеев. В Совет вошли представители волостей, земства, горожан и кооператоров. Пока организовывали Совет, пока писали бумаги, крестьяне в уезде захватывали помещичьи земли и грабили все, что грабилось. В мае в Шацком уезде стала выходить газета «Земля и воля»¹². Во второй половине семнадцатого года в город и уезд стали возвращаться демобилизованные и дезертиры. В декабре по предложению матроса Балтийского флота Корнилова был создан военно-революционный комитет, который ничего общего с Советом, в котором верховодили эсеры, не имел. Комитетчики связались с караульной ротой, с управлением уездного воинского начальника, достали оружие и в новогоднюю ночь заявили в дом предводителя дворянства Фирсова – там как раз все *haute société* Шацка встречало Новый год. Праздник велено было прекратить и всем разойтись по домам. Пока разойтись.

Интересно, о чем думал Фирсов, когда все разошлись, а некоторые даже разбежались. О том, что все в конце концов образуется... или о том, что добром это не кончится, или о том, что надо брать ноги в руки и... но куда... или просто напился с горя и завалился спать. О чем они все думали... или просто пришли домой, залезли под одеяла и дрожали под ними до самого утра.

Уже первого января в газете Шацкого уездного Совета депутатов было объявлено, что власть стала советской, а десятого начался второй съезд Советов. Председателем исполкома уездного Совета избрали того самого балтийского матроса Корнилова, который организовал военно-революционный комитет. И тут вдруг оказалось, что все помещичьи усадьбы, все винокуренные, салотопенные и свечные заводы, экспроприированные у экспроприаторов, нужно охранять, иначе их разграбят дочиста. Срочно стали создавать социалистический батальон для охраны теперь уже народного имущества и для поддержания порядка.

Поддерживать порядок пришлось довольно скоро – уже в марте восемнадцатого года в уезде, в селе Пертово, крестьяне и демобилизованные солдаты подняли мятеж. Строго говоря, это был не совсем мятеж. Политических требований никто не выдвигал. Просто решили захватить и разграбить местный завод по производству спирта. Решили и захватили, и стали его грабить, что называется, «распивочно и на вынос». Тут и пригодился социалистический батальон, который навел в селе порядок. Впрочем, сел в уезде было много и везде порядок навести было не так просто. К началу осени беспорядки охватили весь уезд. Руководимые эсерами повстанцы планировали захватить Шацк и потом поднять всю округу, а затем... Впрочем, так далеко никто не думал. Думали только до момента овладения Шацком. Пока на местах в селах и деревнях расправлялись с советскими активистами и громили большевистские ячейки, которые уже успели создать новые власти¹³. В селе Ямбирно, где активно действовал комитет бедноты, у зажиточных крестьян реквизировали имущество, дома и, с помощью продотряда, большое количество зерна. В ответ лишённые средств к существованию крестьяне сожгли, привязав к оглоблям, живьем на кострах шесть первых деревенских коммунистов, в том числе и секретаря партийной ячейки, бывшего по совместительству и председателем комбеда.

В конце октября мятежные крестьяне подошли к Шацку. Винтовок и револьверов у них хватало – многие принесли их с фронта. В городе военных не было, и большевики забили тревогу – оборонять Шацк было некому. Вооружили даже группу учащихся старших классов Шацкой школы второй ступени. Учащиеся, правда, сами запросились включить их в состав боевых групп. Как повелось в таких случаях еще с воеводских времен, стали просить помощи у Москвы. Политкомиссар почты и телеграфа успел сообщить о мятеже в Тамбов, Москву и Сасово. Успел потому, что подступившие к

Шацку отряды не сразу перерезали телефонную линию. Пока из Тамбова и Москвы шли подкрепления, стали вооружать рабочих и активистов. Первого и второго ноября шли бои, и пулеметными очередями убили около ста совершенно живых людей, а третьего к Шацку подошел отряд тамбовской ГубЧК. Ситуация в городе представляла собой почти зеркальное отражение того, что происходило семью месяцами раньше в соседней Елатье. Только там город от новой власти обороняла боевая дружина офицеров и юнкеров, собравшихся со всего Елатомского уезда, а здесь новую власть осадили крестьяне и демобилизованные солдаты. И в Елатье и в Шацке большевики запросили помощи у Тамбова и Москвы. Тогда же, третьего ноября, на железнодорожную станцию Нижнее Мальцево прибыла конная бригада и не мешкая двинулась к Шацку. Узнав об этом, повстанцы стали разбегаться по домам.

С восемнадцатого по двадцатый годы в Шацком уезде организовали первую коммуны, артель под символическим названием «Ранние всходы», а в селе Агишеве даже успели создать первый в уезде совхоз. Параллельно шла Гражданская война, и Совет рабоче-крестьянской обороны за подписью Ленина вынес постановление о подготовке для упорной обороны район в границах Москва, Витебск, река Днепр, Воронеж, Тамбов, Шацк. Не то чтобы Засечная черта, но... Параллельно шла мобилизация в Красную армию, которая советской власти популярности не прибавляла. Параллельно появились в губернии и уезде партизаны, к которым мобилизованные красноармейцы часто перебежали вместе с оружием. Еще чаще мобилизованные красноармейцы просто дезертировали. Параллельно или даже перпендикулярно свирепствовала продразверстка. В уезде в то время действовало шесть продотрядов – один из Питера, два из Москвы и три из Шацка. В августе девятнадцатого года белые взяли Тамбов и передали партизанам большое количество оружия. Через год началось известное Тамбовское или Антоновское восстание, охватившее и Шацкий уезд. В конце мая двадцать первого года в селе Самодуровке Шацкого уезда антоновцы расстреляли продотряд, который увозил зерно в Шацк. Комиссару продотряда живому выкололи глаза, разрезали живот и набили овсом.

Подавлял восстание Тухачевский. Подавлял, артиллерийскими обстрелами ровня с землей деревни, расстреливая заложников и выкуривая хлором из лесов несдающихся. Историк Мельгунов в своей книге «Красный террор», вышедшей в Германии буквально через два года после подавления восстания, писал: «Относительно Шацкого уезда очевидцы говорят, что он буквально залит кровью». К июлю двадцать первого года с восстанием было покончено. Началась мирная жизнь, которая была немногим лучше войны. Население Шацка в двадцать шестом году по сравнению с двадцатым годом уменьшилось почти в полтора раза, и женщин было куда больше мужчин по совершенно понятной причине. Обнищавшие крестьяне в уезде пахали не только на коровах, чего раньше не делали, поскольку от этого снижаются надои, но и на самих себе. И это при том, что кроме обычного единого налога нужно было сдавать яичный, масляный, картофельный и другие налоги. И это при том, что часть продналога разворовывалась на местах властями.

Между тем в самом Шацке начиналась новая советская жизнь. В двадцать втором году был организован первый пионерский отряд. Через год в нем было уже тридцать четыре пионера. Отряд на общем собрании разделился на пять звеньев: «Муравей», «Ласточка», «Кузнечик» и «Красный летчик». Наверняка все мальчишки хотели быть красными летчиками. Пионеры выпускали газету «Клич пионера» и журнал «Комсомольская смена». Ходили строем по пыльным немощеным улицам Шацка с барабаном, горном, знаменем и пели «Взвейтесь кострами, синие ночи». В том же году Шацк перестал быть тамбовским и стал рязанским. Шацкая картошка перестала быть тамбовской и стала рязанской. Еще через год умер лучший друг пионеров и вождь мирового пролетариата. Через неделю общее собрание жителей Шацка постановило переименовать одну из улиц города в улицу Ленина, установить Ленину памятник; ворота, ведущие к шацкому Дому крестьянина, назвать «Воротами Ильича», а заодно и

ходатайствовать перед ВЦИК о переименовании Шацка в город Ульянов. К счастью, ВЦИК не пошел на поводу у общего собрания, и Шацк остался Шацком. В составе Рязанской губернии он был шесть лет, а потом на год стал райцентром в составе Рязанского округа Московской области. Еще семь лет до тридцать седьмого года Шацк был в составе Московской области, а уж потом снова стал рязанским. За то время, пока Шацкий уезд, а потом район, передавали из одной области в другую, а то и вовсе упраздняли, в Шацке открыли две библиотеки, музей, районный радиоузел мощностью в два десятка ватт, Дом пионеров, техникум социалистического земледелия, раскулачили и выслали куда подальше тех, кто не хотел им заниматься, организовали машинно-тракторную станцию, колхозы, совхозы – и их председатели получили первые ордена за получение высоких урожаев. Вот только с музеем не задалось. В него, сразу после захвата власти большевиками, свезли из окрестных усадеб большое количество ценностей. Свезли и... растащили. Следующий музей организовали лишь в наше время, в пятом году.

Первый Герой Советского Союза появился в Шацком районе уже в белофинскую. Еще восемнадцать – в Великую Отечественную. Из восемнадцати тысяч ушедших на фронт две третьих не вернулись. К июлю сорок первого в деревнях Шацкого района мужчин призывного возраста почти не осталось. Местный ликеро-водочный завод перешел на выпуск коктейлей Молотова. Маленький Шацк и его район никакой оборонной промышленности не имели, а если бы и имели, то ее давно бы эвакуировали. Организовали в городе и районе мастерские, где дубили овчины. Сшили для фронта шестьсот овчинных полушубков, сваяли полторы тысячи пар валенок и связали пять тысяч шерстяных носков. И еще заготовили для отопления замерзающей Москвы пятьдесят тысяч кубометров дров. И еще убрали урожай. И еще растили новый. Строили дорогу Рязань-Куйбышев. Дети собирали лекарственные травы и отправляли в военные госпитали. В сорок втором появились в районе первые немецкие пленные. Они добывали камень, рубили лес и тоже строили дорогу до Куйбышева. Через два года, в конце войны пленных стало еще больше. Первое время местное население их ненавидело, а потом устало ненавидеть и стало подкармливать. При том, что само жило впроголодь.

Послевоенная история Шацка мало чем отличается от десятков и даже сотен историй таких же... Нет, не так. Эту фразу я уже писал, когда описывал соседнюю Елатьму. И соседний Кадом. И совсем не соседние Судиславль или Грязовец. События были такие же, как и у всех – карточки в сорок седьмом отменили, провели в район радио, рожали детей. В пятьдесят первом году в районе было девятьсот многодетных матерей. Из них почти треть – одиночки. В пятьдесят втором году в Шацке появились первые асфальтовые тротуары. Их было немного, поскольку асфальта дали мало. В пятьдесят третьем умер Сталин. В городском парке ему поставили памятник. Через три года, после съезда партии в Москве, памятник демонтировали. Было кому возвратиться в Шацк из лагерей. В этом же году начали электрифицировать район и закончили в шестьдесят девятом. Крестьяне, наконец, стали жить с лампочками – не Ильича, но... Ильича. При втором Ильиче из Рязани в село Быкова гора, что неподалеку от Шацка, стали летать регулярные пассажирские рейсы. В шестьдесят третьем в селе Темешеве нашли серебряный клад семнадцатого века, состоявший из тысячи монет. В семьдесят четвертом построили первый пятиэтажный дом на семьдесят квартир. Само собой, получали переходящие красные знамена, вымпелы победителей социалистического соревнования и медали с орденами. Конечно, можно все это пропустить и не писать, к примеру, о том, что на Шацком пищекомбинате был карамельный цех и цех по варке фруктовых киселей. В конце концов, сварить фруктовый кисель – это не оборонить город от орд крымских татар и ногайцев, но войн и осад в истории Шацка было много, а фруктового киселя мало. Карамели еще меньше.

В перестройку и этого фруктового киселя с карамелью не стало. Заодно не стало молокозавода и швейной фабрики. Был мясокомбинат, который и теперь еще есть, но дышит на ладан. Был ликеро-водочный завод, на котором делали водку «Шацкая» и

бальзам «Шацкий богатырь», но он умер уже в двадцать первом веке, и не перестройка его сгубила, а неразумные и жадные хозяева.

Живет теперь Шацк за счет федеральной трассы «Урал», которая проходит прямо через город. Огромные, тяжелогруженные фуры идут через Шацк днем и ночью. Машинам требуется ремонт и топливо, водителям требуется отдых и еда. Автомобильных мастерских на душу населения в Шацке куда больше, чем в Москве. Отремонтируют хоть танк. Ночью уснуть трудно, да и воздух..., но жаловаться не приходится. В соседнем Спасском районе трасса проходила через село Кирицы, жители которого жаловались, жаловались... и им построили объездную дорогу. Теперь в селе тихо. Все умерло – и автомастерские, и заправки, и кафе.

Что делать тем, кто не работает в мастерских, кафе и на заправках? Да что угодно. Можно спиваться, можно уезжать на работу в большие города, можно жить натуральным хозяйством, держать скотину, кроликов и копать огород. Кролики – это не только ценный мех и диетическое мясо. Кролики, а вместе с ними коровы, куры и пчелы могут спасти семью от разрушения. Уехавшие в большие города без семьи работать вахтовым методом поначалу, конечно, возвращаются, но потом все реже и реже, пока не...

Летом в Шацк приезжают покупатели – дачники, которые на самом деле большей частью шатчане, уехавшие когда-то в Москву, или в Питер, или в Рязань на заработки и там оставшиеся. Они еще во власти инстинкта, и у них еще чешутся руки вскопать хоть пару грядок и посадить картошку, укроп и огурцы. У их детей уже нет такого инстинкта – они приезжают на охоту и рыбалку, а их внуки... едут отдыхать в Таиланд или в Италию.

Молодежь, понятное дело, уезжает, и ее не удержишь, поскольку с перспективами в Шацке... Те, кто учиться не любил – те едут разнорабочими и охранниками в Москву и в Рязань. Те, кто хорошо учился, едут поступать в медицинские институты Рязани и Саранска. Те, кто учился похуже, едут туда же – поступать в педагогические, юридические и в те институты, куда можно поступить. Тут уж ничего не попишешь. Ну, так у нас не только пописать, но и поделывать ничего нельзя.

На самом деле, я хотел в конце написать жизнеутверждающее, но получилось... Оно еще хуже получилось бы, если бы я написал, что смертность в Шацке в четыре раза превышает рождаемость. Не говоря об уезжаемости, которая превышает оставаемость в еще большее количество раз. При том, что население Шацка всего шесть тысяч человек. Понятное дело, что у нас таких городков, как Шацк, пруд пруди – и с переделанным в автовокзал собором, и с остатками земляных валов, и с вросшими в землю по окна первых этажей кряжистыми купеческими домами, и с резными наличниками, и с геранью на окнах, но тех, которым без малого полтысячи лет, которые не сдавались ни татарам, ни туркам, ни ногайцам, которые верой и правдой даже тогда, когда к ним совсем наоборот... и такие есть. В одной Рязанской губернии их столько... Не говоря о Костромской или Вологодской. Тверской или Ярославской. Мы потом, когда поздно будет, обязательно их хватимся.

– Где же Шацк? – спросим мы тогда с удивлением, ожидая увидеть уютный городок на берегу безмятежной Шачи, выкрашенные веселыми разноцветными красками старинные купеческие дома на обсаженных липами и сиренью тенистых улицах и прогуливающих по ним горожан с женами и детьми с леденцами на палочках в липких руках.

– Да вот он, – ответит ~~ящик~~ шофер, указывая на то, что было когда-то Шацком – на опустевшие улицы, на полуразрушенные заброшенные дома, на черные, без единого огонька, окна, в которых виднеются засохшие герани в пыльных горшках. И с этими словами мы его проедем¹⁴.

¹ Швабриных и теперь много в Шацке и районе. Как подумаешь, что маленькие Швабрины терпят в школе, на уроках литературы...

² Цит. по: Коняшкин Н.С. Шацк: страницы истории. Шацк, 2013. С. 65

³ Провинция была большой и занимала всю площадь современной Тамбовской области и, кроме того, прилегающие территории смежных областей – Воронежской, Пензенской и Саратовской.

⁴ Генерал-рекетмейстер – это совсем не то, о чем вы подумали и понимающе ухмыльнулись. Это всего-навсего человек, который в России восемнадцатого века принимал прошения и жалобы. Не все, конечно, а те, которые смогли до него дойти. Воображаю эти отписки из разных уездов в Шацкую канцелярию. Наверняка Петр, с его маниакальной страстью влезать во все дела, предписал воеводским канцеляриям собрать с уездов в приказном порядке жалобы, чтобы проверить, как будет работать рекетмейстерская контора. Сидел в Шацке воевода, читал эти жалобы, то есть отписки, чесал в затылке, багровел лицом, утирал с него пот и такими словами вспоминал уездных секретарей и канцеляристов...

⁵ На самом деле в Шацке не краеведческий музей, а историко-культурный центр, но для краткости я его буду называть краеведческим музеем. Он и по сути краеведческий музей.

⁶ Цит. по: Коняшкин Н.С. Шацк: страницы истории. С. 66

⁷ Как тут не вспомнить письмо воеводы Афанасьева Алексею Михайловичу, в котором он писал: «в осаду ни один человек не идет, ожидает всякого дурна».

⁸ К сожалению, чертежи концентратора были утеряны после смерти Николая Федоровича. В Московском архиве Министерства иностранных дел, в читальном зале которого Федоров работал в последние годы жизни библиотекарем, некоторое время сохранялась склеенная им собственноручно картонная модель концентратора, две гладко выструганные дощечки основания и кусок бечевки. Увы, и эти ценнейшие артефакты пропали в восемнадцатом году.

Раз уж зашла речь о космосе. В том же зале висит еще один портрет – Вячеслава Михайловича Филина, уроженца села Новочернеево Шацкого района, а заодно и вице-президента РКК «Энергия», соратника Королева, участника разработки «Бурана», участника разработки... У Вячеслава Михайловича заслуг перед отечественной космонавтикой столько, что если их по одной раздать односельчанам, то хватит даже малым детям и старикам. Шацкому музею он подарил настоящий ракетный двигатель первой ступени и спускаемый аппарат одного из наших «Союзов». Конечно, двигатель и спускаемый аппарат не новые, но если к ним приложить руки, то можно... Нет, на околоземную орбиту, конечно, не выйти, но на орбиту Шацка или даже Рязани...

⁹ Сын князя Кугушева – Вячеслав Александрович, известен тем, что был большим другом большевиков. Таким большим, что дружба эта довела его до нескольких ссылок. Мало того, он даже продал свое имение в Шацком уезде, и вырученные за него сто восемь тысяч рублей передал в кассу большевиков на проведение второго съезда РСДРП, чтобы они там, в Лондоне, раскололись на большевиков и меньшевиков. Даже женат Кугушев был на сестре большевика Александра Цюрупы. И при этом умудрился в Самаре руководить деятельностью масонской ложи. После семнадцатого года был комиссаром тюрьмы, работал в Комитете помощи голодающим, по поручению Ленина обменивал белых на красных и... спокойно ушел на пенсию в тридцатом году. Умер в сорок четвертом своей смертью. Не совсем, конечно, своей, потому как попал под трамвай в Москве. А пойдя он по хозяйственной части, а не свяжись с большевиками, а не дай им денег на второй съезд... Может, до сих пор жил бы себе припеваючи в своем имении в Шацком уезде и курил бы трубку-стамбулку из собственной глины. Может, и мы бы жили.

¹⁰ Цит. по: Коняшкин Н.С. Шацк: страницы истории. С. 72

¹¹ Фораминиферы, конечно, маленькие и одноклеточные – меньше миллиметра. Их надо в микроскоп рассматривать. Правда, некоторые, давно вымершие, достигали двадцати сантиметров. И вообще, когда в вашу честь назовут хотя бы одно, пусть и

вымершее, одноклеточное – тогда и будете снисходительно улыбаться. Кстати, о палеонтологии. В краеведческом музее Шацка есть небольшая витрина, в которой лежат россыпью мелкие, меньше семечек, древние акульки зубы. Когда-то в мезозое здесь было теплое море и в нем жили очень маленькие акульки скваликораксы с крошечными зубами. Питались они падалью. Теперь акульки зубы в большом количестве находят при дорожных работах около села Малый Пролом.

¹² После того как большевики взяли власть в свои руки, газета быстро поменяла свое название на более спокойное – в восемнадцатом году на «Плуг и молот», а в девятнадцатом – на «Рабочий и крестьянин».

¹³ В самом Шацке большевистский уездный комитет партии создавал присланный Тамбовским губкомом участник штурма Зимнего и член партии с марта семнадцатого года Арсений Петрович Иванов. Было Арсению Петровичу в восемнадцатом году девятнадцать лет. Он и стал первым председателем Шацкого укома РКП(б). Сохранилась фотография Иванова, где он в военной шинели, португее, перепоясанный широким ремнем и с такими детскими пухлыми щеками... Он потом с такими щеками принимал активное участие в подавлении Тамбовского восстания.

¹⁴ Те, кому такой финал не нравится, могут придумать себе что-нибудь оптимистическое. С оптимистическим финалом все будет смотреться куда лучше.

И вот еще что. Рассказывали мне в Шацке, что у них в районе много блаженных. И тех, которые уже умерли, и живых. В одной деревне есть могилка блаженного, к которой местные жители ходят, когда долго дождя нет. Берет старушка ведро воды (а там уж одни старушки-то и остались) и выливает на надгробную плиту. И все. И больше ничего не надо. И на следующий день льет как из ведра. И ни разу не было, чтобы дождь не пошел, сказался больным или обещал пойти на следующей неделе в четверг.

Вельск

Рассказ о Вельске можно начать сразу с двух цитат. Первую возьмем из книги «Путешествие по северу России в 1791 году» писателя и этнографа Петра Ивановича Челищева: «Дикие чудные места оставляют неизгладимое впечатление, громада растительности во всей ее девственной красоте, подобных картин природы не встретишь в центральной России». Вторая принадлежит Матвею Николаевичу Мясникову – купцу, исследователю истории русского Севера и архивисту. В начале девятнадцатого века в своей книге «Исторические черты о городе Вельске, собранные из древних летописей, старинных книг и архивных бумаг» он писал: «Древнее или первоначальное бытие Вельска, как и других многих городов, мелькает в отдаленном мраке времен, и водворение первых его обитателей, когда воспоследовало, никаких старобытных памятников не видно, или не сыскано. Только летописи российские по случаю в первый раз о нем упоминают, как месте, принадлежащем Новгородской державе в 1397 году».

С первой цитатой не поспоришь – Петр Иванович, побывавший в верховьях реки Ваги, в тех местах, где расположен Вельск, написал все как есть – и места чудные, и громада растительности во всей ее девственной красе, и впечатление оставляют такое же неизгладимое, как и двести с лишним лет назад, а вот вторая цитата устарела. Оказался Вельск старше тех лет, которые отмерял ему Матвей Иванович, ровно на двести шестьдесят лет. Оказался Вельск старше самой Москвы на десять лет. В грамоте Новгородского князя Святослава Ольговича написано, что в казну Новгородского Софийского собора будет поступать дань с «селения Вель». Так тогда назывался Вельск, находившийся неподалеку от слияния рек Вель и Вага. Ко времени упоминания «селения Вель» в тех местах уже давно и прочно осели славяне, потеснив, как обычно, тихие и совершенно невоинственные финно-угорские племена, которые частью смешались со славянами, а частью забрались еще глубже в дремучие северные леса, которые тогда

изобиловали зверьем, грибами, ягодами и орехами. Кстати, они и сейчас ими изобилуют. Не в такой, конечно степени, как в те, для нашей истории практически античные, времена, когда после дождя, особенно по четвергам, грибы сами приходили к порогам лесных избышек, но все же. Про изобилие рыбы в Ваге и Вели и говорить нечего. Тогда рыба заводилась даже в больших лужах, если случалось дождливое лето. Впрочем, это были караси и ерши, которых ловили только ребятишки для забавы и на корм кошкам. До сих пор, кроме самых обычных лещей и щук, в Ваге водятся и семга, и хариус, и, как говорили мне местные жители, стерлядь. Сами они ее, конечно, не ловят, поскольку это строго запрещено, а только показывают руками размер рыбы, которую они никогда не ловили.

Впрочем, мы отвлеклись. После того, как в этих местах поселились славяне, пришедшие из средней полосы в поисках хорошей жизни, сюда пришли другие славяне из Великого Новгорода в поисках дани. Лет через тридцать после первого упоминания Вельска на голову местных жителей свалились и третьи славяне из Ростово-Суздальского княжества, которые стали воевать со вторыми за право собирать дань с первых. Князь Андрей Боголюбский попросту отобрал силой уже собранную дань у новгородских сборщиков. Тем не менее новгородцы активно колонизировали земли по берегам Ваги, и к концу четырнадцатого века там появились владения нескольких семей новгородских бояр. К этому времени поселение на Вели стало погостом и в нем уже была приходская церковь. Погост в нашем случае означает поселение с приходской церковью, кладбищем и торговым местом. Сюда можно было приехать погостить, собрать дань, набрать медвежьих шкур и лосиных рогов для украшения городских хором, приказать старосте выкатить бочку сыченого меда или местного пива, съесть с друзьями целиком зажаренного быка или свинью, похлопать старосту по плечу и шепотом пообещать его дочке непременно забрать ее из этого медвежьего угла в Новгород.

Кстати, о старосте, который тогда назывался волостель. Вельский волостель Исайя за три года до наступления пятнадцатого века доносил своему новгородскому начальству, что московский воевода Андрей Албердов с войском взял Вельский погост и посадил там наместником князя Федора Ростовского. Албердова и Ростовского послал воевать Вельск сын Дмитрия Донского – Василий Дмитриевич. Через год Новгород послал в Вельск трех посадников с дружиной. В те времена еще никто не знал, что с Москвой лучше не связываться, и потому новгородцы великокняжескую дружину разбили, у князя Ростовского уже собранную дань отобрали и его самого со свитой выпроводили домой. Еще и с московских купцов, торговавших в тех местах, взяли по триста рублей с каждого.

И все же, несмотря на временные успехи новгородцев, с начала шестидесятих годов пятнадцатого века и Важская земля и Вельский посад перешли под длинную и загибающую руку Москвы. Старосты и тиуны назначались теперь московскими князьями, а уж после битвы на реке Шелонь, когда московские войска наголову разбили новгородское ополчение, весь русский Север окончательно вошел в состав Московского государства.

В середине шестнадцатого века в Важскую землю Москва направила государевых писцов Ивана Заболоцкого и Дмитрия Темирова, которые составили первые писцовые книги. Вельский погост стал называться Вельским посадом. Перемена названия, впрочем, была лишь половиной или даже четвертью беды. Бедой было то, что Москва умела переписать все, до последнего гвоздика и котенка, а переписав, обложить непосильными податями все, включая и гвоздик, и котенка. Одновременно с переписью в этих краях развелось несусветное количество наместников, тиунов и следователей, называвшихся доводчиками, которые, не получая жалованья, жили поборами с местного населения и довели посадских людей до того, что те написали письмо Ивану Грозному и отправили в Москву ходоков, которые эту челобитную **отдали** царю в собственные царские руки. Жаль только, живописцев тогда у нас не было подходящих, чтобы написать картину «Ходоки у Грозного». Хотя, скорее всего, принял у них челобитную какой-нибудь дьяк, а то и подьячий в Поместном приказе, забрал связку беличьих шкурок, лосиные рога, вяленого

хариуса, соленую семгу и березовый туес с красной икрой, которая немного испортилась дорогой, но была еще вполне съедобной, и велел немедленно отправляться восвояси. Еще и ногой топнул. От Вельского стана ходили с челобитной трое – Ромашка Онаньин сын, Ивашка Семенов сын и Ивашка Иванов сын.

Шутки шутками, а кормления Грозный отменил и в Вельском посаде стали выбирать себе начальников, которые управляли, судили и собирали подати. При Иване Грозном Вельск в составе Поморья был записан в опричнину. Нельзя сказать, что это как-то отразилось на жизни Вельска. Жили мирно. Ни крымские, ни казанские татары, ни ногайцы сюда не набегали. Вернее, не добежали. Вот только перед самой Смутой из-за неурожая и последовавшего за ним голода вымерло около двух третей населения. В начале семнадцатого века деревни на Севере были маленькие – из двух, из трех, из четырех домов. Столько их вымерло... В шестьсот двенадцатом году добрались до верховьев Ваги поляки под началом гетмана Шелковского и казаки с атаманом по прозвищу Баловень. Вельск взять не смогли, но разорили все, что смогли разорить¹. Уводили скот и отбирали хлеб. Утащили даже колокола с колоколен. Особенно свирепствовали казаки Баловня – мало того, что грабили, так еще и насыпали людям в уши порох и поджигали. Баловня потом поймали и повесили за ребро в Москве, но потом.

Смута кончилась, и по приговору Земского собора Важская земля и в ее составе Вельский уезд отошли в вотчину князю Трубецкому. Мирная жизнь у разоренных жителей Вельского посада и волости началась с повышения налогов. Если в шестьсот четырнадцатом году собрали тысячу шестьсот рублей, то уже в следующем почти десять тысяч. Потом смилостивились и стали собирать по семь тысяч. Стали крестьяне от таких налогов убегать. Понятное дело, что на юг не побежишь. Бежали в Сибирь. Треть домов в деревнях опустела. Только к концу семнадцатого века в Москве решили дать крестьянам передохнуть и уменьшили налог вдвое.

Основной государственной повинностью, кроме уплаты налогов, было поддержание в исправном состоянии участка дороги от Москвы до Холмогор. Зимой ее надо было очищать от снега, а летом устраивать перевозы и ремонтировать мосты. Дорога в районе Вельска шла то по одному, то по другому берегу Ваги. Все волости Важской земли, включая Вельскую, отвечали за участок дороги длиной четыреста верст – от верховья Ваги до ее впадения в Северную Двину. На нее снега наваливало столько, что приходилось весь год чистить. Летом грузы отправляли на плотках, каяках и карбасах по Ваге до Северной Двины, а там и дальше – до самых Холмогор на ярмарку, поскольку Архангельск появился в самом конце царствования Ивана Грозного. Везли продавать большей частью рожь, поскольку пшеница в тех краях растет плохо, немного овса, немного гороха, немного ячменя, лен, хмель, коровье масло, живых коров, быков, соленые рыжики, сукно, овчины, самый толстый и самый грубый холст-хрящ. Отдельно надо сказать о смоле. При всех природных богатствах Важского края крестьянину было тяжело прокормиться земледелием и разведением скота. Если сложить вместе рожь, горох, ячмень, коров, быков, лен, сукно и соленые рыжики, то все равно до прожиточного минимума дотянуть не получалось. Подати рыжиками не уплатишь – нужны были деньги. Пожалуй, самым главным промыслом в Поважье и, конечно, в Вельском посаде было смолокурение. Фактически смолокурение можно было в тех местах приравнять по важности к земледелию. Лесов было столько... Самое главное, что они были большей частью хвойные. Технология добычи смолы была довольно простая. Вернее, способ, поскольку технологией это назвать сложно. Сначала снимали часть коры на соснах и в течение нескольких лет дерево выделяло живицу – ту самую прозрачную смолу, которой дерево обороняется от короедов и которую мы в нашем, уже далеком, советском детстве жевали вместо жвачки. После этого дерево спиливали и кололи на поленья. Пни выкорчевывали и тоже кололи. Получившиеся поленья называются смольем. Дальше процесс мог идти тремя путями – ямным, корчажным и печным. Все три похожи друг на друга с той лишь разницей, что в первом на холме или небольшой возвышенности

выкапывали яму, укладывали на ее дно деревянную трубу, по которой должна была стекать смола в бочку у подножья холма, укладывали в яму смолье, поджигали его, потом забрасывали землей, глиной и дерном и ждали несколько дней пока смола стечет в приготовленную бочку, во втором способе яму не выкапывали, а в третьем роль ямы выполняла печь. Печами для выгонки смолы крестьяне стали пользоваться лишь во второй половине позапрошлого века, а до этого даже ям не выкапывали – добывали смолу корчажным способом. Все это, конечно, просто на бумаге, а в действительности было гораздо сложнее – и поджечь надо было так, чтобы потом не оставалось несгоревшего смолья, и чтобы горело медленно и не погасло, что не так-то просто, если погода ветреная, и ждать или, как говорили смолокуры, «высиживать» деготь четыре или пять дней, пока он весь не выйдет. Кроме дегтя получались в качестве побочных продуктов скипидар и канифоль. Это теперь деготь используют в косметической промышленности, а в семнадцатом веке им смазывали тележные колеса, сапоги и лошадиную сбрую, чтобы она не гнила и не дубела на морозе, мазались сами, чтобы защитить себя от комаров, но более всего деготь был нужен для пропитки лодок и кораблей. Уже во второй половине шестнадцатого века важская смола доставлялась на мурманский берег и даже продавалась за границу монахами тамошнего Печенгского монастыря. Как только появился Архангельский порт – так сразу торговля смолой пошла и через него. К началу восемнадцатого века из архангельского порта только на экспорт ежегодно уплывало от шести до шестидесяти тысяч бочек смолы. Продавали ее и в Голландию, и в Германию, и во Францию, и в Италию, и даже в Португалию, но главным потребителем была Англия. Почти девяносто процентов северной смолы выкуривалось в Поважье. Когда Вельск при Екатерине Великой стал уездным городом, то гербом ему Сенат утвердил наполненную дегтем бочку в золотом поле «в знак того, что обыватели этого города оным производят знатный торг». Тут нужно бы пошутить про ложку меда, но это уж вы сами что-нибудь придумайте, а мы вернемся к Вельску и его смолокурам.

Смолу, производимую, а точнее, выкуриваемую жителями Поважья, можно было продавать тремя способами. Первый способ заключался в том, что каждый мог торговать как ему вздумается. Второй способ представлял собой откупную торговлю, при которой власти за определенную плату разрешали этим заниматься откупщикам, и тогда приходилось всю смолу сдавать откупщику, с которым надо было еще сторговаться. Ну, а третий способ был самым простым и самым невыгодным – казенная монополия. Власть забирала смолу и засчитывала часть ее стоимости в счет уплаты налогов, а часть отдавала производителю наличными деньгами. Третий способ практиковался в начале восемнадцатого века. Это и понятно – царь Петр не любил выпускать из рук государства сбыт стратегически важных для тогдашнего флота материалов. Он же нанес сильнейший удар по торговле северной смолой, когда повелел торговать ею через новую столицу и запретил привозить в Архангельск смолы больше, чем потребуется для нужд самого города. Одно дело – сплавлять смолу на плотках из Вельска в Архангельск по рекам Ваге и Северной Двине, а другое – на подводах в Петербург по дорогам, которые еще надо было проложить. К счастью, после Петра власть разрешила производителям торговать смолой свободно, и такой способ торговли продержался до начала прошлого века.

Разрешить-то она разрешила, но стала облагать каждый шаг смолокуров налогами. В начале девятнадцатого века нужно было уплатить сначала лесной налог, потом налог за бочку смолы, потом налог на пустую бочку, потом уплатить деньги за билет, который был разрешением на, собственно, смолокурение, потом налог на специальные плоты для сплава смолы, потом купить торговое свидетельство... И стал смолокур продавать свою смолу на месте скупщикам, и выходило, что цена ее, к примеру, в середине девятнадцатого века в Вельске была раза в два, а то и в два с половиной ниже, чем в Архангельске. Самостоятельно сплавляли свою продукцию в Архангельск очень немногие смолокуры, да и тем поднять цену в Архангельске не давали перекупщики. Неудивительно, что в тогдашнем отчете по Вельскому удельному имению, то есть

имению, доходы от которого предназначались для содержания царской семьи, отмечалось: «заработок ничтожный по сравнению с теми ужасными трудами, которые несет смолокур, ...а существовать без смолокурения нет средств».

И еще. В Петербурге смолу покупали в Финляндии, поскольку она была ближе. Платили за нее в три, даже в три с половиной раза больше, чем платили за русскую смолу англичане и голландцы в Архангельске. И это при том, что качество нашей смолы было выше, поскольку она содержала куда больше ценных компонентов, чем финская². Какой-нибудь английский или голландский историк или экономист голову сломает, пытаясь понять почему... какого... а мы только плечами пожмем и усмехнемся.

Рассказывая о смолокурах, мы далеко забежали вперед. Возвратимся в начало восемнадцатого века. Петр Первый, образовавший своим указом Архангельскую губернию, поместил в нее и Вельский уезд вместе с уездом. Царь, любивший все учитывать, велел провести перепись своих подданных поголовно. И то сказать – последняя перепись была еще при Федоре Алексеевиче и проводилась, как тогда было принято, по дворам, а не по головам. Полная перепись была проведена за восемь лет – с девятнадцатого по двадцать седьмой год, – и оказалось, что в Вельском посаде по состоянию на семьсот двадцать второй год проживало всего двадцать четыре души мужского пола. Прибавим к этим душам женские, прибавим детские, учтем, что детишек тогда в семьях было много... Все равно получится мало. С одной стороны, ужас как все обезлюдело, а с другой – понятно почему: кто убежал в Сибирь от армии и строительства новой столицы, а на Севере к строительству Петербурга прибавилось и строительство Новодвинской крепости в устье Северной Двины, кто убежал от непосильных налогов, кто умер от эпидемий, кто вовсе укрылся от переписи, справедливо полагая, что переписывают у нас обычно вовсе не перед раздачей пряников, а совсем наоборот.

При Петре в Вельске появилась промышленность. На городской земле два купца поставили два скипидарных завода с коптильнями для выделки сажи – один на берегу Ваги, а другой – на берегу Вели. Понятное дело, что на настоящую промышленность два этих заводика походили мало, учитывая то, что рабочих на них можно было перечесть по пальцам одной руки, а машин и механизмов и вовсе не имелось, но другой промышленности... Скипидар и сажу отправляли на подводах в Вологду и Ярославль. В Вельске, хотя он еще и не был настоящим городом, был учрежден магистрат и назначен ратман. Если исключить закладку каменной Троицкой церкви в семьсот сорок первом году в Вельске и ее освящение через одиннадцать лет, то в первой половине восемнадцатого века в городе происходило примерно ничего. Происходила обычная жизнь, и чья-то корова забредала в чужой огород, кто-то вылавливал в Ваге преогромную щуку, кто-то тонул в Вели по пьянке, а кому-то вымазали ворота первосортным дегтем местного производства, но такого, чтобы... Нет, такого не было. Вот в семьсот шестьдесят втором году произошло – вологодские купцы Колесов и Шайкин построили в уезде чугунолитейный завод. Сырьем была болотная руда, которую добывали тут же, по берегам речки Терменьги. Завод работал на местный рынок и вообще проработал недолго, поскольку болотная руда быстро кончилась, да и была низкого качества. Мы бы, может, и не вспоминали о нем вообще, но за время своей недолгой работы завод успел отлить чугунные плиты для покрытия пола вологодского кафедрального Софийского собора. Они покрывают там пол и сегодня.

В шестьдесят шестом году Сенат закупил шесть бочек картошки и прислал в Важскую воеводскую канцелярию десять пудов. Канцелярия распределила их на сто человек. Вышло приблизительно по полтора килограмма на душу. Если принять, что одна средняя картофелина весит около двухсот грамм, то по восемь штук. Посадили, конечно, раз начальство приказало. Собрали столько, что губернатор потом в отчете написал «оних ябл³ок не уродило по божескому изъявлению». С картофелем в тех краях было плохо еще очень долго. И через сто лет в Вологодской губернии, к которой тогда относился Вельский уезд, собирали в лучшем случае по восемь килограммов на человека.

В 1780 году Вельский посад был, наконец, переименован в город Вельск. Населяло город к тому времени сто шестьдесят пять человек – почти поровну мужчины и женщины. Более всего проживало чиновников – четыре десятка, а менее всего крестьян – семь человек. Полсотни мещан, двадцать восемь отставных солдат и тридцать семь лиц духовного звания. Сорок чиновников на сто шестьдесят пять жителей. Конечно, в Вельске появились сразу и городское правление, и уездный суд, и сиротский суд, и казначейство, и почтовая контора, но.... Самое удивительное, что этого количества чиновников не хватало. Какой-нибудь английский или голландский историк или экономист голову сломает, попытаюсь понять зачем... какого... а мы только плечами пожмем и усмехнемся.

В январе восемьдесят шестого года в империи упразднили провинции. Вельск стал уездным городом Вологодской губернии и пробыл таковым до конца двадцатых годов двадцатого века.

В девяносто втором году, как раз в год взятия Бастилии, городские власти, запретили хоронить умерших при соборной Троицкой церкви. Через год после того, как отрубили голову французскому королю и Франция объявила войну Англии, отвели место под городское кладбище и тогда же начали строить кладбищенскую церковь Успения Пресвятой Богородицы. Еще через год вельский священник Иоанн Осокин по собственной инициативе организовал в городе народное училище. С разрешения, конечно, властей. Сам занимался с детьми у себя дома. Две зимы продержалось народное училище и закрылось. Родители не видели пользы в обучении собственных детей⁴. Зато строительство кладбищенской церкви закончили быстро и в девяносто шестом году ее уже освятили. Уездный землемер Голубев разбил город на кварталы. Во время недолгого царствования Павла Петровича было создано удельное ведомство. Все удельные земли на Севере были объединены в Вельский удельный округ с центром в Вельске.

Через восемь лет после образования удельного округа, в восемьсот пятом году тракт Москва-Архангельск проложили через Вельск. До этого времени тракт проходил по другому берегу Ваги⁵. Вельск к тому времени был не хуже других уездных городов – кроме неперенной ратуши с бургомистром, казначейства, почты и разных судов в нем было духовное управление, уездный стряпчий, соляной и винный приставы, уездный лесничий, уездный врач и две команды – пожарная и инвалидная, причем инвалидной командовал штабс-капитан. Шагу нельзя было сделать, чтобы не наступить на ногу какому-нибудь уездному начальнику.

В июле двенадцатого года, через месяц после начала военных действий, стали собирать земское ополчение и добровольные пожертвования. Среди жертвователей были местные купцы... Всего один – купец второй гильдии Зензинов пожертвовал сто пятьдесят рублей. Среди жертвователей-дворян отличился унтер-фертшер Арсений Насонов. Ему в девятнадцатом году за участие в денежном пожертвовании даже дали бронзовую медаль. Городничий Карл Егорович Фрейденталь пожертвовал треть своего жалования и сам попросился в действующую армию. Впрочем, ему отказали, поскольку нужды в этом не было. Ополчение тоже отменили. По той же причине. Ополчались только те губернии, что были в непосредственной близости от театра военных действий. Однако же вологодскому губернатору было предписано из Санкт-Петербурга «набрать из обитающих в Вологодской губернии народов, в стрельбии зверей упражняющихся, до пятисот и более и, по сборе оных с теми самыми ружьями, которые они при своем промысле употребляют, отправить их на подводах сюда, в Санкт-Петербург, для причисления их к тому ополчению, которое здесь против неприятеля, вторгнувшегося в пределы России, составляется». Летом в губернии и в Вельском уезде появились беженцы, а к осени и пленные. В Вельске разместили пятьдесят французов. Снабдили их шинелями, полушубками, шапками, рукавицами, сапогами, нательным бельем и провиантом. Приставленный к ним конвой следил, «чтобы ни один из пленных не смел сбывать каким бы то ни было образом одеяния, на них состоящего». Вельск все же не Париж и тем более не Марсель – зимой сюда без шапки, полушубка и рукавиц, да еще и пленным,

лучше не попадать. Зимой двенадцатого года морозы доходили до сорока трех градусов. Горе побежденным... а в Вельске еще и ужас как холодно.

Вот, собственно и все о войне с Бонапартом. Пожалуй, можно добавить, что в двадцатых годах земским исправником служил отставной майор пехотного полка Константин Иванович Белов, участник сражения при Березине и заграничных походов, а через двадцать лет после войны в тридцать втором году в Вельске должность городничего занимал надворный советник и отставной штабс-капитан, участник Битвы народов под Лейпцигом, бравший Париж Макарий Дмитриевич Тугаринов⁶.

Кстати, о народах, «в стрелянии зверей упражняющихся». Вельские купцы-заготовители у части этих народов, населяющих город и уезд, регулярно покупали пушнину, которой тогда в окрестных лесах было видимо-невидимо. Шкура зайца стоила от четырех до восьми копеек. Белка стоила не дороже зайца. Горностай – от тридцати до сорока копеек. Норка – от рубля до трех. Шкуры лисиц шли от двух до шести рублей, волков – от рубля до трех, а медвежьих – от трех до двенадцати. Честно говоря, все эти данные о закупочных ценах на пушнину в Вельске первой половины девятнадцатого века для понимания... не очень нужны. Просто как подумаешь, сколько на нынешнюю свою зарплату мог бы купить лисьих или медвежьих шкур, не говоря о беличьих и заячьих... сколько шуб... наконец-то жена... С другой стороны сколько моли... одного нафталину пошло бы... проеденный лисий салоп... сколько слез... да провались они пропадом, эти шубы.

В восемьсот двадцать втором году в городе открыли уездное духовное училище. За полвека это училище окончило более четырехсот человек. Если посчитать количество учащихся, которое приходило в первый подготовительный класс, и сравнить его с количеством выпускников, то получится, что больше половины учащихся полного курса не окончили. Судя по всему, плохо учились дети и внуки тех, кого забирали из народной школы священника Осокина родители, не видевшие пользы в грамоте. Через двадцать лет открыли первые четыре школы в Вельском уезде, в котором тогда проживало более семидесяти тысяч человек. Увы, школы эти постигла участь народного училища Осокина. Крестьяне не хотели отдавать в них детей, поскольку не видели никакой пользы в обучении.

Все же прогресс, хоть и незаметный невооруженным глазом, был. К примеру, в первой половине восемнадцатого века о повседневной жизни Вельска и уезда никто, кроме аборигенов, не был осведомлен, а в первой половине девятнадцатого... «Вологодские губернские ведомости» в восемьсот сорок четвертом году писали о том, что в Вельском уезде за год «утонуло восемнадцать человек, умерло от невоздержанности (запились) пять человек, наложило на себя руки семь человек, убито по злему умыслу три человека, а грозой – шесть человек»⁷.

Как представил я себе диких бородатых смолокуров в нагольных тулупах, перемазанных дегтем, с острыми, как бритва, топорами, которыми они могли комару нос подточить, дикий, дремучий медвежий угол, в котором... от гроз погибало вдвое больше людей, чем от рук злоумышленников и... начал думать всякую ерунду о том, что нравы тогда были чище, вода мокрее и трава зеленее. Подумал, подумал... и посмотрел статистику убийств в Вельском районе в наше время. Нашел отчет главы Вельского муниципального района за семнадцатый год, и оказалось, что... убийств не было ни одного. Еще в тринадцатом году было восемь, в пятнадцатом – шесть, в шестнадцатом – пять, а в прошлом – ни одного⁸. Тут непременно нужен какой-то вывод – или о чистоте воды, или о нравственности травы, или...

В середине позапрошлого века Вельск представлял собой не просто маленький, а очень маленький городок. В Вологодской губернии он был одним из самых маленьких. Вельск даже к началу двадцатого века занимал всего четыре десятых квадратной версты, а в середине девятнадцатого века и того меньше. Еще при Екатерине Второй городу отвели чуть более квадратной версты, и уездный землемер разбил треть от этого количества на

тридцать четыре квартала. За семь десятков лет застроили всего одиннадцать, и все эти сто семьдесят пять домов, из которых был один каменный⁹, умещались на площади около пяти квадратных десятин, или пяти с лишним гектаров, или... Нет, в квадратных верстах лучше не считать, а то получаются какие-то уж совсем микроскопические величины.

Несмотря на то, что Вельск был крошечным по площади и самым маленьким городом в Вологодской губернии по численности населения¹⁰, в нем было все необходимое для жизни уездного города – одиннадцать лавок, четыре склада, называвшиеся тогда магазинами, ежегодная ярмарка, на которую съезжались крестьяне и цыгане со всего уезда, один купец первой гильдии и двадцать пять купцов второй, два питейных заведения, большой городской сад для неторопливых прогулок, уездная почтовая контора с усатым почтмейстером, больница на десять коек, три фабрики, на которых работало тринадцать рабочих, две церкви, два училища, полицейская будка и даже почтовый ящик. Он появился в Вельске в самом конце первой половины девятнадцатого века. Правда, всего один. Да больше и не нужно было на восемьсот человек горожан. На ящике была надпись «Опущенные в этот ящик письма, оплаченные марками или в штемпельных конвертах, заказные письма будут отправлены с первой проходящей почтой»¹¹. В Москву почту отправляли четыре раза в неделю, а в Архангельск – два.

Что касается вельских фабрик, то их количество в восемьсот шестидесятом году выросло до целой дюжины – четыре скипидарно-пековаренных¹² завода и восемь сажекопильных. Только не надо думать, что небо над Вельском было черным и закопченным от сажи. Фабрики работали то вместе, то поврозь, а то попеременно. В шестьдесят третьем году не работали совсем «по случаю упадка торговых дел владельцев». В семидесятом году губернский статистический комитет и вовсе велел считать фабриками только те, «которые действуют паром... или в коих главным орудием производства являются машины». Тут еще и сажекопильное производство в городе закрылось, поскольку в уезде было большое количество смолокуров, бывших по совместительству сажекопильщиками и составлявших вельским фабрикантам сильнейшую конкуренцию. Так что небо над Вельском было чистым.

Если же говорить об экстраординарных событиях, которые имели место быть в Вельске в первой половине девятнадцатого века, то к ним следует отнести сильный иней тридцать седьмого и сорокового годов, уничтоживший посевы картофеля, гороха и яровых, сильный град сорок первого года и запись в Вологодскую дружину ополченцев во время Крымской кампании. Впрочем, запись следует отнести уже к началу второй половины.

Жизнь в Вельске протекала тихо и плавно, как Вага. На ежегодную ярмарку, которая проходила в январе, съезжались купцы из разных губерний. Иногда приезжали даже англичане, продававшие здесь пряности и свои английские сукна. На вырученные от продажи деньги покупали, понятное дело, меха. Крестьяне Архангельской губернии привозили соленую рыбу – треску, сайду и палтуса¹³. Крестьяне Олонецкой губернии торговали свежей селедкой. И вообще – во всякое время года на городском базаре можно было купить местную свежую, выловленную в Веле и Ваге рыбу: семгу, леща, сига, хариуса, голавля, карася, окуня, щуку, язя, плотву, ельцов и ершей. Последних отдавали почти даром – от копейки до трех за фунт. Ельцы и плотва стоили почти столько же. Щук продавали от двух до восьми копеек за фунт, хариуса от четырех до десяти, лещей, в среднем, по семи копеек, а самой дорогой была семга – от двенадцати до тридцати копеек за фунт. Если пересчитать на зарплату, скажем, учителя гимназии, который в те времена мог получать от восьмисот до полутора тысяч рублей жалованья в год, то выходит, что ельцами и плотвой можно было кормить кошек, а самим есть хоть каждый день щук, хариусов и лещей. Ну, а семгу... и семгу можно было. Хватало учителю гимназии на семгу. Жаль только, что гимназии в Вельске в середине девятнадцатого века не было. Нынешним учителям нынешняя семга...

Местные охотники продавали пушнину. Только в восемьсот пятидесятом году купцы скупили в Вельске тридцать пять тысяч беличьих шкурок, восемь с половиной тысяч заячьих, шесть десятков лисьих, больше сотни куньих, сто семьдесят горностаевых, шестьдесят медвежьих, а еще семнадцать с лишним тысяч рябчиков, почти четыре тысячи тетеревов и четыре с лишним сотни уток. Если семгу и шкурки зайцев с белками еще можно пересчитать на нынешнюю учительскую зарплату, то рябчиков и горностаев...

При всем обилии дешевых рябчиков, тетеревов, горностаев, семги и хариуса, при наличии полицейской будки, почтового ящика и больницы на десять коек смертность в городе и уезде в середине позапрошлого века была огромной. Например, в восемьсот шестидесятом году в Вельске и уезде умирало около семидесяти процентов новорожденных.

Летом пятьдесят восьмом года по пути из Москвы в Соловецкий монастырь через Вельск проехал Александр Второй. Мог бы, конечно, и остановиться, отобедать чем бог послал у городского головы, принять депутацию местного купечества, получить в подарок сувенирный, величиной с чайный стакан, бочонок с самым лучшим вельским дегтем, но... лишь выпил чаю, заплатил двадцать пять рублей серебром и поехал дальше. По городу, конечно, проехал. Той почтовой станции, на которой останавливался царь, не сохранилось – она сгорела. На этом месте теперь здание налоговой инспекции. Зато в музее Вельска есть красивое резное блюдо из карельской березы и солонка. На блюде императору поднесли хлеб-соль. Правда, это сделали не в Вельске, а в селе Сметанино Верховажского уезда, но блюдо и солонка от этого менее красивыми не стали¹⁴.

В год освобождения крестьян в уезде открылись сразу семь школ. Учащихся в школах было немного – в среднем, около десятка. Большею частью это были мальчишки. Девочек в школы крестьяне отдавали еще неохотнее, чем мальчиков. В том же году было... да ровно то же, что и в прошлом, и в позапрошлом – купцы торговали, охотники охотились, смолокуры выкуривали деготь, а вельские мешане растили хлеб и косили сено на землях, которые они арендовали у города. Вельск был городом-селом и это село из него еще долго выкуривалось. И все же. Уездная и городская смолокурная промышленность на фабриках, которые губернский статистический комитет не велел считать фабриками, произвела сто с лишним тысяч ведер смолы и почти две тысячи пудов скипидару. Сажекопильный завод произвел сажи на манер голландской на четыре тысячи рублей и накурил дегтя на тридцать тысяч. В селе Терменьга писчебумажная фабрика...

...Господи, ну почему через Вельск не проезжал Пушкин?! Ехал бы к себе в Михайловское из Тригорского от Вульфов, и тут как лошади понесут, как метель закружит, небо мутное, ночь мутная, луна невидимкой... В городском краеведческом музее хранился бы заячий тулуп, подаренный Александром Сергеевичем мужику-смолокуру, который вывел его к Вельску, и записки на французском, которые Пушкин писал бы дочке городничего. Ну, хорошо, пусть не Пушкин. Пусть Гоголь. Увез бы дочку или жену городничего в Рим до Вологды, а там... Пусть хотя бы Белинский в вельский почтовый ящик опустил письмо к Гоголю, который в Вологде с ума бы сходил, не зная, как отвязаться от жены и дочки городничего. Черновик этого письма, найденный в номере местной гостиницы, украшал бы теперь собою местный краеведческий, но...

...в селе Терменьга писчебумажная фабрика произвела бумаги на двадцать тысяч рублей, да еще весной того же года по Ваге на плотках из уезда отправлены в Архангельск смола, пек, рожь, льняное семя, лен, пакля, овес, крупа, мука овсяная и ржаная. Всего на сумму четверть миллиона рублей. И это не все. Сена накопили столько...

Оставим паклю и сено. В шестьдесят седьмом году Вельский уезд получил по подписке два с половиной десятка разных газет и журналов. Среди них «Сын Отечества», «Северная пчела», конечно же вологодские «Губернские ведомости», в которых время от времени печатались заметки о Вельске и Вельском уезде, но более всего было религиозных изданий. В том же году был неурожай, охвативший весь уезд. Надо сказать, что крестьяне в верховьях Ваги и без всякого неурожая с трудом обеспечивали себя

хлебом. Примерно половину необходимой ржи приходилось им покупать, не говоря о пшенице, которая им была не по карману. При всех сложностях с хлебом, молоком и мясом в Вельске и уезде дела обстояли хорошо. К примеру, в Устьвельской волости у пятой части крестьянских семей была одна корова, две коровы были примерно у трети семей, а три коровы...

...Ну, бог с ним, с Пушкиным. И с Гоголем тоже. Не проезжали, и ладно. Могли же быть скандалы. К примеру, уездный казначей мог бы проиграть свою жену в карты. Или предводитель уездного дворянства мог сказать «пропадай все» и уехать жить от живой жены и трех малых детей к красавице цыганке в табор. Его потом сам вологодский губернатор приезжал бы уговаривать вернуться к семье. Дети плакали бы. Особенно его любимица – восьмилетняя Грушенька. Он бы вернулся, а цыганка потом отравилась бы. У жены тоже открылась бы чахотка из-за переживаний. Сам предводитель попытался бы застрелиться, но неудачно и остался бы инвалидом. Вельск и уезд только об этом и говорили бы в течение пяти или даже десяти лет. Да что Вельск – Вологда говорила бы. В конце концов городской голова мог просто нажиться на винных откупах или построить на бумаге мост через Вель, а выделенные губернией деньги...

...три коровы были у пятой части семей. Были и совсем богатые крестьяне, имевшие по четыре коровы. Были, конечно, семьи, у которых вместо коров были козы или даже куры. К концу девятнадцатого века Вельский уезд среди десяти уездов Вологодской губернии занимал пятое место по надоям молока от одной коровы. Одна корова в уезде в среднем давала чуть больше пятисот килограммов молока. По нынешним меркам такие коровы называются козами. Отечественными козами. Европейские козы дают молока больше. Четыре вельских коровы конца позапрошлого века, если сравнивать надои, равны половине нынешней российской коровы.

В семидесятом году открылось первое земское собрание Вельского уезда. С одной стороны – председатель Вениамин Александрович Аронов от управы государственного имущества, Константин Кириллович Орон-Гессе и Иосиф Степанович Струтинский от удельного ведомства, от уездного лесничества... от Вельского удельного имения... а с другой – семь крестьян и два священника – земские гласные. С одной стороны, подумаешь, какое дело – земское собрание, а с другой – как представишь себе – за одним столом, друг напротив друга, сидят Константин Кириллович Орон-Гессе и крестьянин Прокопий Архипович Федоров, которого еще десять лет назад могли высечь на конюшне, который не знает куда деть свои огромные руки, который от неловкости, от того, что от него пахнет дегтем и лошадиным потом, постоянно утирает со лба испарину тыльной стороной ладони.

Через год после начала своей работы Вельская земская управа пересчитала скот в уезде. Выходило, что на каждого жителя уезда приходилось чуть больше чем по половинке коровы, чуть меньше, чем по половинке овцы и примерно по шестьдесят два свиных пятачка. Или меньше, если свинья худосочная.

К семидесятому году количество каменных домов в Вельске удвоилось – их стало два, и оба этих дома были казенными. В городе и уезде стало меньше умирать новорожденных и детей до пяти лет – не семьдесят процентов, как десять лет назад, а пятьдесят четыре.

Через два года заработала узкоколейка Вологда – Ярославль. От Вельска до Вологды и теперь на машине четыре с половиной часа езды, а тогда двенадцать почтовых станций и тридцать шесть часов летом и зимой, а весной и осенью – полных двое суток, если скакать безостановочно. Пока до Вологды доедешь – всю душу из тебя вытрясут дорожные кочки и ухабы. Выйдешь нетвердыми ногами из коляски, или брички, или тарантаса и подумаешь: «Да провались он пропадом, этот Ярославль!» – и все деньги прокутишь в Вологде.

Между тем узкоколейку тянули из Вологды дальше на север – к Архангельску. Вельские власти и местное купечество стали обивать нужные пороги, добиваясь, чтобы

железная дорога прошла через Вельск. Увы... Пороги оказались неприступными. Дорогу провели на сто двадцать верст западнее – через Коношу. Пришлось Вельскому земству строить грунтовую дорогу с шестью почтовыми станциями до Коноши. Только в девятьсот сорок втором году через Вельск прошла железная дорога на Котлас и Воркуту.

В середине восьмидесятых вологодский губернатор разрешил вельским властям открыть в городе первую публичную библиотеку. Через полтора десятка лет в нее было записано более двухсот вельчан. Из этого количества читателей больше всего было не дворян, не чиновников, не священников и купцов, а крестьян – почти шесть десятков человек. Дворяне и чиновники были на втором месте, мещане на третьем, священники на четвертом. Купцы в библиотеку ходить не любили – их записалось всего четверо. Надо сказать, что в Вельске, в котором к концу девятнадцатого века проживало почти две тысячи человек, восемьдесят процентов мужчин и почти половина женщин были грамотными. В уезде грамотных мужчин было всего тридцать семь процентов, а грамотных женщин и вовсе шесть процентов.

В те же годы Вельск стал местом политической ссылки. Правда, присылали в него и раньше людей, с точки зрения властей, неблагонадежных. Первым ссыльным в Вельске, в шестьдесят шестом году, стал революционер-народник и один из организаторов хождения интеллигенции в народ Порфирий Войноральский, высланный сюда за участие в студенческих беспорядках. В Вельске Войноральский пробыл недолго – полиция обнаружила его тайную переписку с другими, такими же как он, неблагонадежными и сначала отправила под домашний арест, а потом, в том же году, подальше на север – в Пинегу. В девяносто четвертом в Вельск на пять лет прислали в административную ссылку Петра Моисеенко – организатора знаменитой Морозовской стачки. Видимо, Моисеенко ни с кем не вел тайной революционной переписки, и потому все пять лет ссылки провел в Вельске, а не был услан подальше на Север. Может потому, что находился в ссылке вместе с женой. Скорее всего потому, что Моисеенко был прекрасным столяром-краснодеревщиком и в Вельске имел много заказов на изготовление мебели. Власти и вообще предлагали ему осесть в Вельске и даже предлагали выделить землю и построить дом, но...

Если не рассказывать о спичечном заводе купца Буторова в деревне Рябово, о бумажно-оберточной фабрике купца Кудрина и о винокуренном заводе купца Попова, если не писать о фельдшерской школе, открытой в девяносто пятом году губернским земством, о том, что в Никифоровской волости Вельского уезда только за лето этого же года медведи и волки задрали пять лошадей, шестнадцать жеребят, шесть коров, двадцать телят и почти сорок овец, о том, что охотники этой же волости убили шесть медведей, восемь волков и два десятка лисиц, о количестве мальчиков и девочек, учащихся в церковно-приходских училищах и земских школах, о расходах на пожарную команду, о тридцати шести керосиновых фонарях, освещавших к тому времени Вельск, о посевах ржи и льна, об урожаях гороха и овса, о ценах на лен, о том, что умирали чаще всего от воспаления легких, туберкулеза и желудочных заболеваний, то... больше рассказать о последних десятилетиях девятнадцатого века в Вельске, пожалуй, и нечего.

Первые годы двадцатого века были продолжением девятнадцатого – курили смолу, заготавливали лес, били зверя и птицу, сеяли рожь, лен, горох и овес. В девятьсот первом году в Вельске появились первые саженцы яблонь. Привез саженцы купец первой гильдии Конон Вонифатьевич Попов. До начала двадцатого века своих яблок в городе и уезде не было. Да и других плодовых культур тоже не было. Считалось, что в таком суровом климате яблоки могут быть только земляными.

В девятьсот четвертом девятнадцатый век закончился и русско-японской войной начался двадцатый. Тридцать шесть вельчан вернулись с нее Георгиевскими кавалерами. В мае девятьсот шестого года у здания управления удельного округа собралась толпа, состоящая из пятисот удельных крестьян. Последние восемьсот лет они не выдвигали экономических требований, а тут на тебе... Еще и угрожали захватить удельные земли и

уничтожить удельные управления. Переговоры результатов не дали, и управляющему удельным округом пришлось удовлетворить требования крестьян. Ну, а потом, когда уже было поздно и не нужно, вологодский губернатор на всякий случай отправил в Вельск походным порядком две роты солдат Моршанского полка. Через неделю они туда дошли...

Волнения утихли, но ровно через год, в мае, Вельская группа РСДП выпустила первую листовку. Несмотря на то, что появились десятки сельских потребительских обществ и кредитных товариществ, увеличилось количество плугов, борон и железных зубьев на боронах, большевики уже не могли перестать быть и выпускать свои листовки. Кстати, о железных зубьях. По переписи девятьсот седьмого года на весь уезд приходилось сорок три плуга и сто семь борон с железными зубьями. На сто двадцать тысяч населения. Те, кто не имел плуга, пользовались деревянными сохами. И коровами, которые давали молоко, как козы¹⁵. Как тут было не завестись большевикам... Тем более что в Вельск все прибывали и прибывали политические ссыльные. В девятьсот седьмому году их было около шестидесяти, в седьмом – двести с небольшим, а в восьмом – уже триста. Правда, среди них были и анархисты, и эсеры, и меньшевики, и беспартийные. Правда, в десятом и одиннадцатом годах большая их часть разъехалась, но ячейка РСДРП осталась.

Кстати сказать, не все разъехались – некоторые разбежались. Так, в ноябре тринадцатого года бежал из ссылки, в которой находился уже два года, большевик Павел Бляхин. Можно было бы его и не вспоминать, кабы он потом не стал писателем и не написал повесть «Красные дьяволята», которую теперь уже мало кто помнит. Еще меньше помнят одноименный фильм начала двадцатых годов, пользовавшийся в то время огромным успехом у публики. Помнят только фильм «Неуловимые мстители», который был снят тоже по этой повести.

Между тем Вельск точно чувствовал, что мирной жизни осталось у него всего несколько лет, и бурно, насколько это было возможно в России и в Вологодской губернии в начале двадцатого века, развивался – в городе и уезде работали кожевенный и пивоваренный заводы, десятки скипидаро-очистительных и канифолеваренных, более пяти тысяч смолокурных печей, восемьдесят одна школа, сто двадцать восемь учителей, четыре больницы, шесть врачей, полтора десятка акушерок и повивальных бабок, четыре раза в неделю уходила на железнодорожную станцию Коноша почта, в городской библиотеке, выписывавшей «Вестник Европы», «Сатирикон» и «Русское богатство», количество читателей перевалило за триста человек, дамское благотворительное общество на одних только любительских спектаклях в девятьсот седьмом году заработало три с половиной сотни рублей и передало их Вельскому приюту, работал синемаграф «Рекорд», организовано общество «Попечительство о народной трезвости» был построен деревянный мост через реку Вель... но железной дороги не было, а в ней была острая нужда. Открываемые местными промышленниками и купцами предприятия гибли на корню, поскольку сбывать местную продукцию приходилось перекупщикам задешево, а все привозное покупать вдвое дороже. В восьмом году Вельское уездное земство обратилось к губернским властям с просьбой рассмотреть вопрос о строительстве железной дороги от Вельска до Коноши, но губернатор отказал, поскольку правительство не планировало строительство такой ветки, а частных инвесторов не было. Через пять лет снова собрали бумаги с обоснованиями, создали комиссию по вопросу строительства, посчитали сколько десятков и сотен тысяч пудов смолы, зерна, керосина, скипидара, канифоли, мануфактуры, железа, чая и сахара перевезут по новой дороге, составили подробную «Записку об экономическом значении проектируемого к устройству железнодорожного пути от г. Вельска к ст. Няндомы», отослали ее в Москву и... тут началась Первая мировая война и эпидемия сибирской язвы. С эпидемией справились уже к осени четырнадцатого года, а с войной все обстояло сложнее. Известие о начале войны дошло до Вельска лишь через неделю. Верующие собрались в городском соборе и настоятель зачитал им высочайший манифест, потом отслужили молебен, потом певчие

спели гимн, потом с портретами Николая Второго и пением гимна ходили по Вельску, останавливаясь в разных местах для того, чтобы выслушивать патриотические речи и кричать ура, потом закрыли по распоряжению императора винные лавки, потом, после того как мужчины ушли и побросали посе́вы до срока, сократились посе́вы ржи и пшеницы, упали заработки на промыслах...

Известие о февральской революции в Петрограде пришло в Вельск пятого марта, а за два дня до этого вологодский губернатор телеграфировал всем уездным исправникам, что подчиняется постановлению Временного правительства слагает с себя все полномочия по управлению губернией¹⁶. Шестого создали временный комитет, куда вошли представители земства, чиновники удельного округа и духовенство. Председателя земского собрания избрали в председатели комитета. Решили издавать «Вельскую народную газету», первый номер которой вышел уже через три недели. Редактором назначили эсера Николая Васильевского. Наверное, ходили по улицам Вельска с лозунгами «Да здравствует республика» и «Долой войну», пели «Вихри враждебные...», останавливаясь в разных местах для того, чтобы выслушать революционные речи и кричать ура.

К ноябрю, когда со спичками, солью, мылом и керосином начались перебои, в Вельске и уезде прошли выборы в Учредительное собрание. Девяносто четыре процента голосов набрали эсеры. Остальные шесть процентов поделили между собой еще четыре партии. Большевики конечно были, правда, для того чтобы их увидеть в списках, надо было надевать очки, но... в конце декабря семнадцатого года в Вельске был получен декрет уже Советской власти об упразднении всех сословий и чинов. Все объявлялись гражданами.

До марта восемнадцатого года все было тихо, а первого марта Советская власть провела в Вельске первый съезд Советов крестьянских депутатов. Заседали делегаты съезда целых шестнадцать дней. Приняли дела у старой власти, сформировали новую в виде уисполкома, признали Совнарком, ликвидировали земство и городское самоуправление. Не откладывая дела в долгий ящик, в ночь на второе марта разоружили городскую воинскую команду и вывезли из казармы все оружие. Заодно конфисковали оружие у чиновников удельного округа и земской управы. Тут же из добровольцев создали отряд Красной гвардии. В конце мая и начале июня прошел уездный съезд Советов. Эсера на посту редактора газеты убрали, а осенью уисполком газеты и вовсе закрыл. Правда, через четыре дня открыл снова, но называлась она уже «Революционный набат» и была органом Вельского комитета РКП(б). Между прочим, среди пятнадцати членов Уисполкома было всего семь коммунистов и сочувствующих. Остальные были левыми эсерами и беспартийными.

Новая власть начала с национализации каменных домов для собственных нужд. Новорожденным советским чиновникам из многочисленных отделов Вельского уисполкома, суда, общественных организаций нужны были помещения. Помещений катастрофически не хватало. Старая власть обходилась гораздо меньшим количеством чиновников. В июле создали комиссию по национализации частных домов и квартир. Стали национализировать или, попросту говоря, отбирать у владельцев дома и квартиры. Владельцы стали жаловаться и судиться с новой властью, а новая власть в феврале девятнадцатого года поручила комиссии представить список лиц, которых можно было бы беспрепятственно выселить из Вельска. Пока список составлялся, чиновники уже занимали дома и квартиры купцов, священников и мещан. Многочисленные отделы уисполкома, уездная милиция, госпиталь и вновь образованные школы занимались тем, что переезжали из дома в дом, пытаясь угнездиться, и воевали между собой за каждую квартиру. И это при том, что в Вельске к тому времени было всего десять каменных домов и четыре с половиной сотни деревянных. И это при том, что Гражданскую войну никто не отменял, при том, что в Архангельске были англичане, а в соседнем Шенкурске, отстоявшем от Вельска всего на сто сорок километров севернее, стояли части белых и

американцев, при том, что линия фронта проходила в тридцати километрах от Вельска.

Седьмого августа в Вельске был создан ревком и объявлено военное положение в городе и в радиусе семь верст вокруг него. Ревкома оказалось недостаточно, и политработники Важского фронта создали партийный комитет, который постановил газету «Революционный набат» переименовать в «Красный набат». Для защиты Вельска и уезда создали отряд из членов Совета и советских служащих. В конце августа обстановка на Вельско-Шенкурском направлении так накалилась, что власти отдали приказ об эвакуации всех советских учреждений из Вельска.

Пока части Красной Армии отбивали у белых и американцев Шенкурск, Вельский уисполком к первой годовщине событий семнадцатого года принял решение переименовать улицы Дворянскую в Советскую, Покровскую в Октябрьскую, Посадскую в Революционную, Троицкую в улицу Свободы, а Троицкую площадь в площадь Свободы. Они и сейчас так называются. Само собой, что прибавились к ним улицы Дзержинского, Карла Маркса, Комсомольская...

В середине февраля девятнадцатого, когда белых и американцев отогнали от Шенкурска, в Вельске прошел первый съезд учителей, признающих Советскую власть. Учителя покаялись, признали ошибки и призвали остальных учителей быть лояльнее к новой власти и больше доверять правительству. Вообще общественная жизнь в городе кипела и пенилась так, что обыватель с тоской и умилением вспоминал годы и десятилетия, в течение которых в Вельске не происходило ровным счетом ничего. В конце февраля собралась молодежь и постановила образовать ячейку Российского Коммунистического Союза молодежи, а в начале марта прошла первая уездная партийная конференция. Понятно какой партии. В конце марта в городском молодежном клубе уже собрались первые комсомольцы, отправившие вождю мирового пролетариата телеграмму, в которой сообщалось, что «Вельская молодежь организовалась сегодня в Союз молодежи и открыла клуб Вашего имени. Шлет Вам коммунистический привет»¹⁷. В октябре прошла первая конференция женщин-пролетарок. Женщины-пролетарки создали женский Совет и организовали женское движение в волостях Вельского уезда. Тогда же, в девятнадцатом, был создан Вельский краеведческий музей на основе собрания предметов старины местного крестьянина – иконописца и краеведа Василия Феоктистовича Кулакова. Строго говоря, уникальную коллекцию Кулакова, уездные власти за год до открытия музея национализировали – боялись, что заберут ее в Вологду и Вельск ее не увидит никогда. Нельзя сказать, что власти уезда боялись зря.

Кстати, об уездной партийной конференции. Один из ее делегатов, некто Быков, предложил вскрыть и осмотреть мощи св. праведного Прокопия Устьянского – местночтимого святого. Мощи эти лежали в церкви села Бестужево одноименной волости Вельского уезда. Быков настаивал на том, что «надо прекратить дурачение масс». Его поддержали другие делегаты со словами «фанатизм должен быть рассеян, хотя бы и с жертвами». Были, правда, и сомневающиеся... Вернее, был всего один делегат. Он был, конечно, не против, но учитывая «темноту масс» и накаленность обстановки... Никто его и слушать не стал. Не стали слушать даже председателя Вельского уисполкома, который знал лучше других, как «темные массы» относятся не только к атеистам, но и к продрозверстке, трудовой повинности и новой власти вообще. Председателя заклеили трусом и соглашателем. Мгновенно создали комиссию по вскрытию мощей, и та уже через четыре дня после окончания конференции прибыла в село Бестужево, где мощи вскрыла, засвидетельствовала, что мощи истлели, сфотографировала их, а фотографии разослала по уезду. Фотографии не только не «рассеяли фанатизм», но произвели совершенно обратный эффект. Когда через три недели власти решили гроб с мощами из села увезти, их встретила полторатысячная толпа возбужденных крестьян. Агитатора из Вельска разоружили и избili. Выстрелы в воздух не помогли. Бестужевцы направились к волисполкому, где намеревались отобрать лошадей у прибывших за мощами. По пути крестьяне освободили из-под ареста кулака, арестованного за спекуляцию. Дело

принимало нехороший оборот. Только тогда, когда командир отряда, заведующий агитационным отдела уисполкома Истомин пообещал немедленно уехать, а мощи оставить, народ стал успокаиваться. Правда, после отъезда солдат сельчане все же добрались до волисполкома, и женщины немного... поговорили с членом комиссии по раскладке чрезвычайного налога, а уж потом разошлись по домам. Мощи в церкви с этого момента круглосуточно охраняли тридцать человек с берданками.

Власть, однако, закусила удила. Решено было послать за мощами второй отряд красноармейцев, объявить Бестужевскую волость и соседнюю с ней Никольскую на осадном положении, передать в них власть военно-революционному комитету, арестовать зачинщиков, священников, мощи забрать, привезти в Вельск на всеобщее обозрение, и просить Вологодский губисполком о военной помощи. Крестьяне тоже не собирались сидеть сложа руки и... К счастью, удалось договориться. Власть пообещала мощи не забирать, а крестьяне пообещали вернуть уисполкому оружие, отобранное у приехавшего к ним отряда и не трогать комиссию по раскладке чрезвычайного налога.

Мощи св. праведного Прокопия Устьянского пролежали в церкви села Бестужево до января тридцать девятого года. В январе тридцать девятого их сожгли по инициативе «Союза воинствующих безбожников». Сожгли прямо за селом. На дворе стоял тридцать девятый год, а не девятнадцатый. Опасно было даже подумать о том, чтобы собраться толпой возле церкви.

И еще. В Вельском краеведческом музее хранится икона, написанная Василием Феоктистовичем Кулаковым. Она не из бестужевской церкви, а из другой, разрушенной в тридцатые годы. Ее уже в двадцать первом веке передали в дар музею. На иконе, изображающей преподобного Симеона Столпника и великомучеников Георгия и Пантелеимона, выколоты глаза у всех троих.

В девятнадцатом году, в самый разгар боевых действий, вельский уисполком стал добиваться от центральных властей соединения Вельска со станцией Коноша на железной дороге в Архангельск. Достали из архива и отряхнули от пыли «Записку об экономическом значении проектируемого к устройству железнодорожного пути от г. Вельска к ст. Няндомы», перепечатали титульный лист, исправили «ст. Няндомы» на «ст. Коноша», печати с двуглавыми орлами заменили печатями с серпами и молотами и... снова отказ. Сначала надо было отбить у белых железную дорогу к Архангельску, а уж потом строить ветку от Коноши до Вельска.

В феврале двадцатого года последние англичане покинули Архангельск, а через год, в середине марта, началось восстание крестьян Вельского уезда под лозунгом «Советы без коммунистов». Катализатором крестьянских волнений, как и во многих уездах и губерниях, послужила продрозверстка. Крестьяне из разных волостей числом не менее трех-четырёх тысяч человек двумя колоннами двигались на Вельск. Толпа из пятисот крестьян даже зашла в Вельск, захватила почту, телеграф и отобрала оружие у почтальонов. Власть эту толпу смогли разоружить, оружие отобрать, а самих крестьян выгнать из города. Основные силы повстанцев были встречены залповым огнем. Часть крестьян, понеся потери убитыми и ранеными, повернула обратно. Тем не менее в нескольких волостях советскую власть изгнали, и крестьяне установили свою. Продержалась она недолго – уже девятнадцатого марта на подмогу властям в Вельск прибыл отряд коммунистов из Шенкурска, а в село Верховажье – отряд из Тотьмы. Из Вологды прибыл еще один отряд. Двадцать седьмого марта все было кончено. Шесть организаторов восстания и пятнадцать командиров крестьянских отрядов были расстреляны, а около полутысячи человек были приговорены к разным тюремным срокам.

В том же году, но уже в августе, Совет труда и обороны предписывает создать в Архангельске трест «Северолес». С этого момента участь Вельска, как писали в старых романах, была решена – его судьба связывается с заготовкой и обработкой леса. В Вельском районе организовываются три лесных района, переименованных потом в леспромхозы.

Мало-помалу начинает налаживаться мирная советская жизнь. В двадцать втором решают строить электростанцию. Открываются десятки потребительских кооперативов, кредитных товариществ и промысловых артелей. Открывается сельскохозяйственный техникум и более пятидесяти школ ликбеза. Даже коров стало больше на пять процентов, чем в шестнадцатом году. По-прежнему заготавливали смолу, канифоль, скипидар, пек, деготь и сажу. Только делали это уже не смолокуры-одиночки, и не артели, а Вельский смолсоюз из этих смолокуров и состоявший. В мае двадцать пятого года в уезде объединились двадцать четыре крестьянских хозяйства и создали первое товарищество по обработке земли. Буквально через месяц новое товарищество купило новый трактор «Фордзон» и новую паровую мельницу. Вельский отдел культуры приобрел две кинопередвижки, и киномеханики поехали по деревням показывать «Закройщика из Торжка», «Аэлиту» и «Броненосца “Потемкина”».

Первого мая двадцать шестого года на площади Свободы открыли памятник Ленину. Больше полувека вокруг него водили хоромы коммунисты и беспартийные – шли мимо него с транспарантами, на которых было написано «Миру – мир», «Народ и партия едины», «Летайте самолетами аэрофлота», «Не канифольте нам мозги!» (потомственные смолокуры... их не исправить), махали красными флажками, пели «Катюшу» и кричали ура. Потом памятник, а он представлял собой скромный бюст без кепки, перенесли в другое, более скромное место. В восьмидесятом году на том же месте на том же постаменте поставили алюминиевого вождя с поднятой вверх рукой. Алюминиевый Ильич простоял двенадцать лет. Он бы и еще простоял, но в марте девяносто второго поздно вечером кто-то Ленина взорвал. Разнесло старика на мелкие кусочки. Так и не нашли тех, кто это сделал. Может, и не искали. Пять лет после взрыва коммунисты пилой с мелкими зубьями пилили власти, чтобы им поставили на площади новый памятник. Им поставили. Вернее, привезли из Онеги, в которой чисто случайно заваялось два совершенно одинаковых. Бронзовый Ленин и стоит теперь на площади, которая называется площадью Ленина.

Вернемся в середину двадцатых. Средняя зарплата в Вельске была тогда сорок девять рублей в месяц. При том, что килограмм белого хлеба стоил двадцать копеек, а килограмм селедок – около сорока, килограмм сахара – семьдесят девять, и почти столько же стоил килограмм вареной колбасы первого сорта. Ржаную муку и вовсе можно было купить по шесть копеек за килограмм. Дорого обходилось топленое масло – полтора рубля за килограмм. Если оно, конечно, было в продаже. Зато килограмм монпансье стоил всего девяносто копеек. С одной стороны, жить стало... а еще дрова, а еще одежда, а еще лекарства... Тут уж не до монпансье. Одно хорошо – в Вельске не нужно было ехать на службу и обратно – до всего можно было дойти пешком. Кстати, о службе. По сравнению с двадцатым годом в три раза выросло количество растратчиков. На монпансье им, что ли, не хватало... Больше всего, однако, жителей Вельска и уезда в двадцатые годы привлекали к ответственности не за растрату казенных денег, а за самовольную рубку леса, самогонарение и злостную неуплату налогов.

По итогам переписи двадцать шестого года в Вельске проживало почти три с половиной тысячи человек. На это количество жителей приходилось тридцать пять лошадей, сто коров, полсотни свиней и семьдесят овец. Если поделить количество коров, свиней и овец на количество жителей, то по половинке коровы и овцы, как в семидесятых годах девятнадцатого века, уже не получится, а в свиных пяточках выйдет и вовсе одно расстройство – по два десятка пяточков на каждого. Конечно, можно исключить стариков, старух и грудных младенцев – им все равно не прожевать, но по шестьдесят два пяточка все равно вряд ли выйдет. Зато в двадцать восьмом году в уезде уже не осталось сох – их вытеснили плуги.

В январе двадцать девятого упразднили губернии, уезды и волости. Упраздненная Вологодская губерния, в составе которой был упраздненный Вельский уезд, вошла в Северный край, центром которого ВЦИК назначил Архангельск. Через полгода из того,

что было Вельским уездом, сделали три района – Вельский, Верховажский и Устьянский, а еще через год из того, что осталось от Вельского уезда и называлось Вельским районом, был выделен еще и Коношский район. В тридцать шестом году Северный край упразднили и на его территории образовали Северную область, в которую вошел Вельский район. Еще через год упразднили и Северную область, и Вельский район, у которого уже ноги отваливались входить и выходить из одной области в другую, вошел наконец в Архангельскую и там остался.

Начало тридцатых прошло в районе под лозунгами: «Две тысячи лесорубов должны быть завтра в лесу. В ударном квартале держать неослабленный темп. Идет штурм боевой. Всем миром в лес. Смело в бой! Даем десятки новых ударных бригад! Уничтожить зияющий разрыв между рубкой и возкой!»...¹⁹ Газета «Вельский лесоруб», в которой печатались эти лозунги, настойчиво агитировала крестьян менять плуг на пилу, топор и переходить в рабочие леспромхозов. Расписывала права и льготы, которые они получают, если... Крестьяне сомневались и переходили в рабочие плохо.

В октябре тридцать седьмого Совнарком принял постановление о строительстве Северо-Печорской железной дороги от Котласа до Воркуты. Через три года, в сороковом, новым уточняющим постановлением дорогу удлиннили почти на четыре сотни километров, и она стала идти от Коноши через Вельск на Котлас. Участок Коноша – Котлас строил Северо-Двинский исправительный трудовой лагерь или Севдвинлаг, как его называли в разговорах. Просуществовал он шесть лет – до сорок шестого года. Штаб Севдвинлага разместили в Вельске. В ноябре сорокового года к месту работ привезли около двух с половиной тысяч заключенных с Дальнего Востока, а к январю сорок первого уже свыше пятнадцати тысяч. Сами заключенные в городе, конечно, не жили – они располагались в лагпунктах через каждые два-три километра по намечаемой линии строительства¹⁵. Дорогу строили с помощью лопат, двуручных пил, топоров, тачек с одним колесом и носилок. Строили ее в общей сложности сорок две тысячи человек. Вельск стал расти – население его увеличивалось за счет приехавших сотрудников НКВД, руководивших Севдвинлагом, технического персонала и вольнонаемных жителей близлежащих сел.

Строили быстро. И это при том, что приходилось заниматься подсобным хозяйством, строить склады и мастерские вдоль будущей магистрали, столовые и даже кирпичный завод. На содержание заключенных денег государство не давало. К концу февраля сорок второго закончили земляное полотно, предварительно вырубив лес и выбрав грунт, а в самом начале марта уже положили рельсы. Седьмого марта в Котлас из Коноши через Вельск пришел первый поезд.

Война пришла в Вельск в первых числах июля сорок первого¹⁶ вместе с эшелонами эвакуированных из прифронтовых областей. В конце месяца пришел эшелон из Ленинградской области – около тысячи человек, из которых было больше сотни детей. Вместе с эвакуированными эшелон привез дизентерию и скарлатину. Первого сентября в Вельске организовали эвакуопункт. Эвакуированные, а проще говоря, беженцы приехали в Вельск в летней одежде, поскольку совсем не думали задерживаться там на зиму. К зиме уже должны были победить. Стали они писать в райисполком заявления с просьбой выделить кому обувь детям, кому носки, кому юбку. Льгот не имел никто. Жителей Вельска стали уплотнять, чтобы расселить постоянно прибывающих беженцев. Селили на чердаки, в недостроенные дома, бараки, землянки, пионерские лагеря... Сколько их там было – этих пионерских лагерей в Вельске при населении в шесть с половиной тысяч человек... Часть эвакуированных разместили в селах Вельского района. В сентябре в Вельск прибыл эшелон из Петрозаводска – почти три тысячи человек. Это были большей частью корелы – старики, старухи и дети. По-русски они почти не говорили. В конце августа пришел первый эшелон с эвакуированными из Ленинграда. Это были те, кто успел выбраться из города до начала блокады. В январе сорок второго приехало ленинградское военно-ветеринарное училище. Вот тут же стало страшно по-настоящему. Большая часть личного состава училища умерла в дороге от истощения и болезней. Не считая тех, кто

провалился в полыньи и воронки от взрывов при переходе по льду Ладожского озера. Большая часть из тех, что смогли перенести дорогу до Вельска, были дистрофиками и вставать уже не могли – их несли на носилках. Почти все болели дизентерией, туберкулезом, хроническими колитами и реактивными невротами. Их выхаживали¹⁷. Как и тех блокадников, которых привезли в Вельск весной сорок второго. Помогали им дровами, собирали одежду, валенки, хотя сами жили трудно. Летом сорок третьего эвакуированному Государственному Карело-Финскому театру на двадцать два артиста выдали пять пар носков, три платка, три пары туфель, два шарфа и одно полотенце... И эвакуированные, и местные жители заготавливали лес, пиломатериалы, смолу, живицу, деготь, дрова, делали шпалы и обслуживали железную дорогу. Работали везде, где могли найти работу. Без работы можно было умереть от голода. С работой можно было умереть от постоянного недоедания, от непосильного труда, от болезней и от морозов.

Когда в сорок четвертом эвакуированные стали уезжать, городские власти каждому, кто уезжал организованно, эшелонами, выдавали сухой паек на двенадцать суток.

После войны... История Вельска второй половины прошлого века и начала нынешнего удивительна в том смысле, что ничего из построенного во время войны и после нее не развалилось, не разорилось и не прекратило работать по тысяче причин, по которым у нас все разваливается, разоряется и перестает работать. И железная дорога, и леспромхоз, и построенная в сорок девятом огромная лесоперевалочная база, и мясной и молочный комбинаты, и хлебозавод, и асфальтобетонный, и два техникума – сельскохозяйственный и экономический – все это работает, за исключением птицефабрики, которая сгорела совсем недавно – в пятнадцатом году. Даже время в курантах на городской пожарной каланче течет не быстрее и не медленнее – а ровно так, как и полагается времени в маленьких провинциальных городках – в час по чайной ложке.

Из неувидительного – окончательно разобрали в конце пятидесятых Троицкий собор, который начали разрушать еще в тридцать седьмом. Теперь на соборной площади стоит бутик-отель «Троицкий». Говорят, что хороший. Спасо-Преображенскому собору, стоящему неподалеку от того места, где стоял Троицкий собор, повезло больше – в нем разместили в начале двадцатых Дом культуры. Правда, довольно сильно изуродовали при этом – снесли все пять куполов и понаделали в нем окон в конструктивистском стиле, отчего он стал похож на советский горком партии с алтарной частью. В четырнадцатом году приняли решение собор восстановить, но прежде построить новое здание Дому культуры. Денег, правда, с тех пор на строительство нового здания так и не нашлось, но как найдется – так сразу и... Не тронули только деревянную кладбищенскую церковь Успения Пресвятой Богородицы, построенную еще при Екатерине Второй. По этому кладбищу я долго бродил и в одном из его заросших бурьяном, крапивой и снытью углов нашел обломок черного гранитного надгробного камня, на котором прочел, что Софья Михайловна Протопопова умерла двадцать первого сентября восемьсот восемьдесят второго года, и уже не мог от этого обломка уйти, а все представлял себе, как она жила в этой глуши, как мерзла зимой от лютых холодов, как не вытаскивала рук из меховой муфты даже дома, как читала выписанные из Вологды журналы, как просыпалась по ночам от воя волков, забредавших на городскую окраину, как толкала ногой храпящего мужа, чтобы он сделал что-нибудь, как дородный муж – чиновник удельного ведомства или даже исправник – только чмокал противными толстыми губами, шевелил толстыми усами и отворачивался к стене... Впрочем, может, она и не читала никаких журналов, а была женой нищего дьячка этой церкви и только зевала до судорог, выглядывая в заметном снегом окне церковной сторожки редких прохожих или почтовую тройку, едущую по тракту из Вологды в Архангельск. Злые языки поговаривали, да и сам дьячок верил в то, что жена его настоящая ведьма и может закружить...

Тут пошел дождь, и я поехал в гостиницу «Юрьево подворье», пообедал там ухой из палтуса и трески, запеченной семгой с креветками, выпил рюмку водки, чайник чаю, съел яблочный штрудель с мороженым и, чтобы не уснуть, стал читать газету «Вельские

вести», в которой было написано о том, что районная администрация устроила турнир по «ментальной арифметике» среди маленьких и очень маленьких детей, о строительстве нового моста через Вагу, о том, что при поддержке главы Вельского района состоится фестиваль по поплавочной и донной ловле рыбы с берега, о том, что злоумышленник из поселка Тегро-Озеро забрался в чужой дом и съел там всю еду, которую смог найти, а второй залез в баню и украл там алюминиевый бак... На этом месте я все же заснул и во сне все старался вспомнить – зачем я уезжаю из Вельска, где в середине июня цветет сирень, поют соловьи и на тихих улицах пахнет печным дымом, возвращаюсь в Москву, где сирень давно отцвела, соловьи не поют, а на шумных улицах пахнет... Так и не вспомнил.

¹ Разграбили, но не все. Кое-что осталось. В шестидесятых годах прошлого столетия нашли в Вельске большой серебряный клад, который зарыл подальше от поляков и казаков кто-то из богатых или даже очень богатых вельчан. Состоит он из множества монет – тех, что называют чешуйками, и украшений.

² И качество этих компонентов было выше. Возьмем, к примеру, канифоль, которой скрипачи натирают перед игрой свои смычки и балерины натирают пуанты. Вы сравните наших скрипачей и финских... То-то и оно. Про балерин и говорить нечего.

И еще о канифоли. Мало кто знает, что прототипом Ваги Колеса в повести Стругацких «Трудно быть богом» был некий Михрютка Канифоль, промышленявший разбоем по берегам Ваги в начале восемнадцатого века. На самом деле его звали Мишаней, но роста он был маленького, ноги имел кривые и вообще был похож на черта, много болевшего в детстве, а потому и превратился в Михрютку, а Канифолью его прозвали потому, что любил он запах сосновой канифоли и все время носил с собой завернутый в тряпицу ее обломок. Как задумается – так достанет канифоль из порток и нюхает. Происходил Михрютка из государственных крестьян и был смолокуром. Когда пришла ему пора отправляться по царскому указу на строительство Петербурга, взял он свой топор, собрал инструменты в мешок, закинул его за спину и... растворился в тайге. Долго ли, коротко ли, объявилась в важских лесах шайка лихих людей, и предводителем у них... Грабили они купцов, сплавлявших на плотках в Архангельск смолу в двенадцатипудовых бочках. Самих купцов обчистят, товар отберут и отправляют его с верными людьми по той же дороге в Архангельск к обер-комиссару порта Соловьеву, которому самим Петром было предписано «ведать товары царского величества приемом и покупкою, и отпуском заморским». Соловьев, конечно, ведал, но при этом себя не забывал и скупал у Михрютки ворованную смолу задешево, а потом отправлял в Амстердам родному брату, который там ее продавал за настоящую цену вместе с государственной. В те времена на торговлю смолой была казенная монополия, и за торговлю в обход этой монополии по голове не гладили. Горючими слезами плакала по Михрютке и братьям Соловьевым виселица, но Соловьевы были людьми самого Меньшикова, а потому...

Те из ограбленных купцов, которые каким-то чудом оставались в живых, понятное дело, не молчали, а жаловались властям. Власти Вельска... да что они могли сделать, когда в подчинении городского магистрата была лишь инвалидная команда. Из Вологды прислали сикурс под командой драгунского поручика Синюхаева, но Михрюткины разбойники исхитрились завести сикурс в болото. Почти все синюхаевские драгуны, кроме двух человек и самого поручика, утонули, не сделав почти ни одного выстрела. Насилу их еле живых вытащили, раздели до подштанников, вымазали дегтем, вываляли в перьях, связали им руки с ногами, положили в телегу, хлестнули кнутом по спине лошади и отправили в Вельск. Еще и на лбу каждому дегтем нарисовали черную курицу. Знак такой был у банды.

Михрютка, понимая, что после разгрома сикурса и появления Синюхаева в Вельске

власти пришлют такой сикурс, который его самого загонит в болото и закует в железа перед тем, как повесить, приказал своим соратникам расходиться, пока не поймали, в разные лесные стороны. Сам же он подался в Архангельск – к своему другу и деловому партнеру Соловьеву. Тот его законопатил в бочку и на торговой голландской шхуне «Адмирал де Рюйтер» переправил в Амстердам, к брату, а уж тот переправил Михрютку в Лондон, к верному человеку, который занимался тем, что деньги, полученные от незаконной торговли хлебом, смолой и пушниной, размещал в английских банках. Вовремя переправил, потому как о темных делах братьев Соловьевых архангельский вице-губернатор написал самому царю и...

Впрочем, к нашей истории это уже не имеет отношения. К нашей истории имеет отношение то, что спустя год или два Михрютка, выучившись английскому, ушел от своего благодетеля, прихватив пару писем Меньшикова на всякий случай и некоторую сумму денег на все оставшиеся случаи. Ушел и в скором времени женился на немолодой, но богатой вдове, которую пленил... Бог его знает, чем может пленить богатую английскую вдову маленький кривоногий мужчина, любящий нюхать сосновую канифоль (он и в Англии от этой привычки не отказался, только вместо грязной тряпицы носил обломок в изящной табакерке). Наверное, вдова была очень немолода и ее длинный английский нос был украшен бородавкой, а то и еще одной на лбу. Взял Михрютка фамилию жены, поскольку своей у него отродясь не имелось, и на ее же капиталы учредил торговый дом «Майкл Лезерсон и сыновья», хотя никаких сыновей у него от этой старухи и в помине не было, а были только две перезрелые и сухие, как вяленая треска, племянницы – Бетси и Марджи, к которым неутомимый Михрютка... но безуспешно.

И стал торговый дом Майкла Лезерсона продавать самую лучшую в мире русскую канифоль скрипачам и балеринам. Сначала английским, а потом и по всей Европе. Канифоль продавалась в деревянных круглых коробочках из карельской березы. На крышках тех коробочек, которые продавали скрипачам и виолончелистам, был нарисован бурый медведь, играющий на скрипке, а на тех, которые покупали балерины и балетные танцовщики, был нарисован медведь на пуантах. В двадцатом веке прибавилась еще одна картинка – медведь с паяльником. Канифолью Лезерсона натирал смычок своей скрипки сам Паганини, а в прошлом веке и Хейфец, и Менухин, и Ойстрах. На пуантах Улановой, хранящихся в ее музее-квартире... Впрочем, к нашей истории это уж точно не имеет отношения.

³ Надо сказать, что и с обычными яблоками в Вельске и уезде дело обстояло не лучше. Их начали там выращивать лишь в начале двадцатого века.

⁴ Через двадцать два года упорный Осокин делает вторую попытку организовать училище. Вторую попытку и светские власти и его непосредственное начальство ему просто не разрешили.

⁵ Как раз по другому берегу Ваги и прошел с рыбным обозом в Москву великий Ломоносов. Это нисколько не помешало устроить в Вельске памятную аллею, посвященную трехсотлетию рождения Михаила Васильевича и говорить о том, что он как раз через Вельск прошел в Москву за знаниями. Если в соседнем Шенкурске спросить о том, каким путем Миша... Можно даже и не спрашивать – там сразу вам скажут, что ни через какой Вельск Ломоносов не проходил, а шел по другому берегу Ваги аккуратно через Шенкурск. Ну и ладно. Ну и пусть не проходил. Ленин с Карлом Марксом и Дзержинским здесь тоже не проходили и даже по другому берегу, а их именами в Вельске не то что аллеи – целые улицы и площади названы.

⁶ В краеведческой статье об участии жителей Вельского уезда в Отечественной войне с французами я вычитал, что при подготовке к празднованию столетия победы над Бонапартом Вельский уездный исправник писал в Вологодское губернское правление о том, что «ветеранов Отечественной войны и очевидцев ее, а также и потомков умерших уже ветеранов среди населения г. Вельска и уезда нет». Удивительно не то, что нет ветеранов, а то, что их искали через сто лет. Значит, надеялись найти.

⁷ Цит. по: Алферов М. Ф. Хроника Вельской земли. Вельск, 1985. С.27.

⁸ И не то чтобы сильно уменьшилось население района. Оно уменьшилось, но всего в полтора раза.

⁹ Как писал протоиерей Троицкого собора и один из первых вельских краеведов Виктор Степанович Воронов, одноэтажные дома, из которых состоял город, «не лишены приятного вида и опрятного устройства».

¹⁰ Он и в Российской империи по численности городского населения в 1856 году занимал 657 место среди 678 учтенных городов. Интересно, что по удельной доле проживающих в нем дворян Вельск занимал первое место в Вологодской губернии.

¹¹ Цит. по: Алферов М. Ф. Хроника Вельской земли. С.28.

¹² Пек – твердый остаток от перегонки дегтя.

¹³ И сейчас из Архангельска привозят рыбу. Правда, не соленую, а свежемороженую. К сожалению, рынка, на котором могла бы проходить ярмарка, в Вельске уже нет – его задушили сетевые магазины.

¹⁴ В восьмьсот девяносто третьем году волостной сход Верховской волости Вельского уезда постановил построить памятник Александру Второму в той деревне, через которую император проехал. Закончить установку памятника планировали аккурат к сорокалетию этого знаменательного события. Стал собирать деньги и даже дали объявление в губернских газетах о сборе средств на памятник. Собрали около шестисот рублей, составили проект памятника и... тут выяснилось, что на шестьсот рублей его не поставить. Тем все и кончилось. О том, куда подевались собранные деньги, история умалчивает.

¹⁵ Расходы на содержание одной головы рогатого скота по расчетам земской управы были перед первой мировой войной около двадцати рублей в год. И доходы были тоже около двадцати рублей. Доходы превышали расходы на девяносто копеек. Что тут скажешь... Даже если в семье четыре коровы, то доходу от них...

¹⁶ Как вельский исправник, не помня себя, на ватных ногах шел домой после получения этой телеграммы, как смотрел на пьяного мужика, который замер и перестал дышать, увидев его высокоблагородие... Пока замер и пока перестал... Как рассказал об этом жене, как она стала мелко креститься и плакать, как он прикрикнул на нее, чего никогда себе не позволял, как пошел к себе в кабинет и велел горничной подать водки и какой-нибудь закуски... Через полтора месяца постановлением Временного правительства должности земских исправников упразднили.

¹⁷ Цит. по: Алферов М. Ф. Хроника Вельской земли. С.77.

¹⁸ Цит. по: Веревкина Г. А. Волнения крестьян Бестужевской волости Вельского уезда весной 1919 г. // Важский край: источниковедение, история, культура: Исследования и материалы. Вып. 2. Вельск, 2004. С. 62.

¹⁹ Цит. по: Шумар М.А. Социалистическое соревнование в лесозаготовительной промышленности Вельского района в 1929-1937 гг. // Сб. статей. Важский край: источниковедение, история, культура. Выпуск 7. Вельск, 2016. С. 110-111.

¹⁵ Один из районов Вельска теперь местные жители называют «гаремом». Когда я спросил экскурсовода в местном краеведческом музее, откуда такое название – мне ответили, что в этом районе города были женские бараки. Впрочем, это больше похоже на легенду. Скорее всего, не было там никаких женских бараков. И женщин тоже не было.

Надо сказать, что в краеведческом музее нет не то чтобы зала, но даже и стенда с экспозицией, посвященной Севдвинлагу и строительству железной дороги от Коноши до Котласа. Да и вообще нет ничего о том периоде в истории Вельска. Оказывается, такая экспозиция была, но ее демонтировали. В музее мне сказали, что мало кто ей интересовался и экскурсий никто не заказывал. Как ни крути, а старинные мушкетоны, блестящие кирасы и резное блюдо из карельской березы, на котором поднесли хлеб-соль Александру Второму выглядят куда привлекательнее, чем фотографии заключенных в телогрейках на лютом морозе или в туче комаров строящих железную дорогу. Все же,

готовится целый зал, посвященный истории советского Вельска. В нем, в частности, будут выставлены материалы по истории Севдвинлага и строительства дороги.

¹⁶ В начале июля сорок первого в Ленинграде произошло еще одно событие, имеющее отношение к Вельску. По приговору Военной коллегии Верховного Суда был расстрелян уроженец Вельска, выдающийся советский генетик, заведующий в Ленинградском университете кафедрой генетики растений, которую он сам же и организовал, Георгий Владимирович Карпеченко. Его арестовали еще в феврале сорок первого и обвинили в шпионско-диверсионной деятельности и в открытой борьбе под руководством Вавилова против «передовых методов научно-исследовательской работы и ценнейших достижений академика Лысенко по получению высоких урожаев». Реабилитировали Карпеченко посмертно в пятьдесят шестом. В Вельске о Карпеченко помнят. Его именем названа улица, открыт научно-образовательный центр «Дом Карпеченко», установлен памятник*, и сам генетик посмертно внесен в списки почетных граждан Вельска.

*Стоял я возле памятника Карпеченко во дворе его дома и думал, что представить себе памятник Сталину в Вельске трудно. Практически невозможно. Потом еще постоял, еще подумал и решил, что действительность может быть куда богаче моего воображения и не стоит... Не стоит и все.

¹⁷ Вот что писал в своих воспоминаниях о Вельске зимы сорок второго года Константин Ярунский, в то время курсант Ленинградского военно-ветеринарного училища: «Город Вельск. В начале 1942 года его ещё почти не коснулась война, и жили там сытно и без затемнений. В городе размещалось управление Севдвинлага, то есть Северодвинского лагеря заключённых, и работники управления и служащие, получая паёк или приходя в столовую за обедом, ещё просили дать не очень жирное мясо, без подливы кашу и тому подобное. То есть перебирали заказы. Хлеб был и пшеничный и ржаной и очень белый, и всего сколько угодно. Для нас, видавших смерть от голода, истощённых, едавших жидкий чёрный хлеб и всякую сколько-нибудь съедобную дрянь, всё это казалось сном, невиданным счастьем, и мы как нищие просили в столовых в первые дни поесть, ходили по домам и нас, правда, привечали, «разбирали» по семьям для подкормки как блокадников. Но это побирушничество скоро запретили как явление, позорящее честь училища».